

НИКОЛАЙ ДУБЧИКОВ

18+

**ЗАКАТ
ЭПИДЕМИИ**

ЖИВЫЕ ПРОТИВ ЗОМБИ

Живые против зомби

Николай Дубчиков

**Живые против зомби.
Закат эпидемии**

«Издательские решения»

Дубчиков Н.

Живые против зомби. Закат эпидемии / Н. Дубчиков —
«Издательские решения», — (Живые против зомби)

ISBN 978-5-00-554551-0

Безопасных мест больше не осталось. Даже в бункере люди больше не чувствуют себя спокойно. А тем временем на поверхности появляется новый враг...

ISBN 978-5-00-554551-0

© Дубчиков Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Субботник	6
Глава 2. Посиделки у реки	9
Глава 3. Отшельники	12
Глава 4. Политика	17
Глава 5. Дагомыс	23
Глава 6. Полезный человек	27
Глава 7. Начало	31
Глава 8. Сухой	34
Глава 9. Мореходы	37
Глава 10. Лабораторные крысы	42
Глава 11. Дина	46
Глава 12. Потухший Факел	51
Глава 13. Геленджик	54
Глава 14. Сезон охоты	57
Глава 15. Холодная месть	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Живые против зомби. Закат эпидемии

Николай Юрьевич Дубчиков

Редактор Алеся Анатольевна Дубчикова

© Николай Юрьевич Дубчиков, 2021

ISBN 978-5-0055-4551-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Огромное спасибо моей жене Алесе,

без неё, не появилась бы эта история.

А если и появилась бы, то закончилась на первой книге.

Глава 1. Субботник

Солнце лениво выползло из-за горизонта, словно не хотело выходить на надоевшую работу. Утро обнажило то, что скрывала ночь – мертвых. Рассвет отдавал трупным запахом. Макс поднялся со стула, немного размялся, открутил крышку термоса и налил себе кружку горячего чая.

Подросток сидел в «дежурке» на втором этаже недостроенного дома. Сова наблюдал за въездом в поселок и ждал, когда его, наконец, сменят. Сколько хватало глаз, повсюду на дороге и в поле валялись покойники, между ними неспешно скакали вороны, которые успели уже вдоволь набить желудки мертвечиной.

День вчера оказался тяжелым, а для некоторых вообще стал последним. Люди перебили огромную толпу зараженных и сохранили за собой поселок. На время. Никто не знал, когда ждать следующую атаку зомби и сколько врагов придет в этот раз.

Солнце поднялось над верхушками деревьев вдалеке. Зашипела рация и раздалось монотонное бурчание Андрея:

– Сова, как слышишь? Доложи обстановку, приём.

– Нормальная обстановка. Трупки лежат, вставать не собираются, новых каннов пока тоже не видно. И тебе приём.

– Добро, минут через пятнадцать тебя сменят.

Рация щелкнула, подросток принял упор лежа и начал отжиматься. Он часто так делал в конце вахты, чтобы взбодриться.

– Сорок пять, сорок шесть, сорок..., – скрипя зубами, прошептал Макс, но отметка в пятьдесят отжиманий сегодня не покорилась. Он немного помахал уставшими руками и высунулся в окно.

«Теплая тут осень, прикольная. А в Сибире, наверное, уже скоро снег полетит», – подумал Сова, щурясь от ярких лучей.

Вскоре внизу послышались голоса. На лестнице раздалось тихие шаги, и на второй этаж поднялась Ксюша:

– Привет!

– Привет, – чуть смущенно ответил Макс, – ты меня сменишь, что ли?

– Ну да, меня Ксения зовут, мы вчера не успели познакомиться.

– Сов... в смысле Макс, ну, друзья еще Сова зовут, – паренек неловко протянул ладонь, но девочка без стеснения пожала ему руку.

Макс сразу обратил на нее внимание, как только увидел. Теперь такие времена, что не каждый день встретишь симпатичную девчонку, да еще почти ровесницу. Но вчера было как-то не до знакомства: пока зачистили поселок от раненых зомби, пока похоронили Грека, а потом все уже так устали, что разошлись спать. Все, кроме дежурных. Сове выпала последняя предрассветная вахта.

– Ну, ты иди, отдыхай, еще увидимся, – девочка пожала плечами, не зная, что еще добавить.

– Угу, держи рацию. Пользоваться умеешь?

«Блин, тупой вопрос. Зачем спросил?!», – тут же мысленно отругал себя парень.

– Умею. Пока, до вечера.

Макс спустился по лестнице и вышел во двор. Ему хотелось еще поболтать с Ксюшей, но романтику пришлось отложить до лучших времен. На улице уже ждали мужики – все кто мог стоять на ногах с утра пораньше собрались на «субботник», как назвал это мероприятие Федор. На больничном остался только Борис. С выбитым глазом и сильным сотрясением в помощники пограничник пока не годился.

– Ну как ты? Спать сильно хочешь? – поинтересовался Иван, разглядывая взъерошенную копну волос друга.

Сова зевнул, но заверил, что до обеда спокойно продержится на ногах.

– Добре. Глаза бояться, а руки делают. Быстрее прибрать этих жмуриков надо, пока всякая зараза от них не началась, – казак пнул посиневшее ухо. На земле тут и там валялись отрубленные и оторванные куски разлагающейся плоти.

– Вчера глаза сильнее боялись, когда эти твари бегали, а не лежали, – заметил Горик.

– Подождите, я бы так не торопился. Давайте их обыщем, вон смотрите..., – Кузнецов подошел к обгоревшему телу и сорвал с покойника золотую цепочку.

Леха поморщился и покосился на отца, Федор недовольно сдвинул брови. Андрей pokrутил трофеем в воздухе, намотал на указательный палец и сунул в карман:

– Не брезгайте, нам эти вещицы очень облегчили жизнь, когда мы шлюзы проходили. Оружие на них тоже купили. Скажем так, канны должны чем-то компенсировать затраченные на них патроны.

Федор понимал логику нового знакомого, но всё равно было противно снимать с трупов украшения:

– Если мы так каждого обыскивать будем, то и за неделю всех не похороним. Это нам боком встанет, тут вспышка тифа начнется или другой холеры. Договоримся так: все что найдёте и снимите – ваше. Но действовать будем по плану: трактор, яма, костер.

– Договорились, давайте за дело, – Воробьеву уже надоела эта болтовня.

Друзья решили немного отсидеться в Дальнем, прежде чем двигаться к морю, поэтому согласились помочь с уборкой мертвецов. Горик пообещал показать дорогу к Дагомысу и, по возможности, найти судно. Полезные контакты с местными удалось завязать быстро, понадобилось всего-то спасти их от огромной толпы зараженных. И, как оказалось, не только с местными. В раненом потрепанном бородатом мужике с разбитым носом приятели узнали президента Льва Николаевича Корнилова. Жизнь продолжала преподносить сюрпризы.

Пока Федор под прикрытием Лехи и Горика заправлял трактор, Макс, Иван и Андрей обшаривали ближайших мертвецов, собирая с них все ценное, вплоть до хорошей обуви. Некоторые покойники пухли под солнцем в отличных кроссовках, и парни решили, что разбрасываться таким добром – это расточительство.

– Ого, вот эти тапки тысяч пятьдесят стоят, у меня одноклассник в таких гонял. Мажор, родители при бабках, мог себе позволить, – сказал Макс, стаскивая с полугололого пузатого мужика дорогие кроссовки.

Андрей, оценивая, повертел обувь в руках:

– Да, крутые. Только сорок пятого размера, тебе великоваты.

– Ну и ладно, сменять на что-нибудь можно. Бартер теперь наше всё, – с оптимизмом ответил Сова.

Когда заправили трактор и убедились в его исправности, взялись за восстановление изгороди. Зомби повалили только один пролет, с этой работой справились быстро.

– Надо усилить конструкцию, еще один ряд периметра сделать. Не факт, что такое нашествие больше не повторится, – отряхнув руки, кашлянул казак.

– Да, не помешало бы, – согласился Андрей, внимательно разглядывая Федора, – а как себя чувствуете? Температуры нет? Не знобит?

– Кх... ты про лихорадку-то? Нет, слава Богу, нормально пока. Болит всё, конечно, после вчерашней заварухи, но это другое. Надеюсь, Борьке ваше лекарство поможет.

Казак до сих пор не мог поверить, что у этих бродяг есть антивирус. Но никто из раненых не возражал, когда им вкололи вакцину. Все равно хуже бы уже не стало.

Андрей чуть повысил голос, обращаясь ко всем:

– Еще раз повторяю! Если почувствуете себя плохо, сразу сообщайте. Симптомы вы знаете. Хорошо, что у вас была прививка от бешенства, но кто знает, как поведет себя организм после укуса и попадания вируса напрямую в кровь.

Неожиданно встретив среди жителей поселка бывшего президента бывшей страны, Андрей и Маша решили раскрыть новым союзникам часть информации насчет вакцины. Лев Николаевич сразу же предложил заняться исследованиями и разработкой антивируса в лаборатории бункера. Друзья посоветовались, но ответили, что смогут приступить к этому после того, как закончат одно дело.

Дело это касалось родителей Воробьева. Когда эпидемия стала распространяться ураганными темпами, они отдыхали в Геленджике. Ввели карантин, вернуться с курорта родители не смогли, а затем связь оборвалась. Иван знал, что шансы их найти призрачные, но был обязан попытаться.

С юга подул слабый теплый ветерок. Море плескалось далеко, но космонавту показалось, что он чувствует его солоноватый запах. Впрочем, длилось это несколько мгновений. Вонь от мертвецов стелилась по полю и становилась все сильнее, заглушая остальные ароматы.

Макс наклонился над худой брюнеткой с большой дырой в животе. Мухи оживленно ползали по ее ранам, залезали в нос, рот и уши, стараясь отложить как можно больше яиц. С трудом подавляя рвотные позывы, парень сорвал с убитой большие золотые сережки, отвернулся и зажал нос.

Федор в растерянности рассматривал сотни трупов и озадачено чесал затылок:

– Так... здесь хоронить мы их не станем. Нам эта поляна под пашню пригодится. Незачем этой заразе у нас под боком гнить. Давай в лес их, тут недалеко опушка есть, там закопаем.

– Бать, а как мы их туда перетащим? Трактором всех, что ли, сгребать?

Казак провел большим пальцем по усам, мысленно согласился с Лёхой и посмотрел в сторону поселка:

– На машинах отвозить придется. У нас есть два пикапа, через просеку пройдут. Сначала улицу расчистим от мертвяков, потом трактором дорогу разгребем. Долго, конечно, но лучше так. Скорый поспех – людям на смех.

«То им быстрее надо, то теперь не надо», – ухмыльнулся Андрей, но промолчал.

Мужики обсудили план действий и работа закипела. Макса и президента посадили за руль. Со сломанным ребром Лев Николаевич не мог поднимать тяжести, но с должностью водителя вполне справлялся. Андрей, Иван, Горик и Леха закидывали трупы в кузов пикапов, и машины отвозили мертвецов в лес. Там на опушке Федор копал трактором огромную яму, постепенно сгребая в нее тела.

К вечеру люди выбились из сил, а убрать удалось только половину поля. Солнце торопливо тянулось к горизонту, уступая луне рабочую смену на небосводе. Потревоженные вороны оккупировали все ближайшие деревья и недовольно перекаркивались, глядя, как закапывают их запас свежей мертвечины.

«Субботник» продолжили следующим утром, но только на третий день полностью очистили округу от покойников. К счастью, почти никто не отвлекал людей от работы. За все время лишь несколько зараженных вышли из леса на шум трактора и тут же отправились в братскую могилу зомби.

А на четвертые сутки ночью пошел дождь. Вода смыла следы крови на земле и траве, даже воздух стал свежее, трупная вонь постепенно выдохлась. Дальний вернулся к прежней жизни. Казалось, словно и не было вторжения зараженных в поселок, но огромный курган в лесу и маленькая могилка Мидаса напоминали людям об этом страшном дне.

Глава 2. Посиделки у реки

Три воробья весело щебетали в мелкой луже, задорно чирикавая о своих птичьих делах. Послышались голоса, затем шаги людей и цокот когтей по асфальту. Птицы пугливо взлетели и скрылись в ветках сирени. Петр вел Агата на поводке, а рядом, завтракая вареной кукурузой, шагала Ксюша.

– У тебя вроде меньше синяк стал. Укусы затягиваются, не гноятся?

– Нормально, опухоль спала, заживает. А фингал... ну, я уже даже привык к нему, – зевнул мальчик.

– Как папа, лучше ему?

Овчарка вдруг остановилась и принялась увлеченно обнюхивать забор. Петя дернул пса за ошейник:

– Заметно, что ребро болит, морщится. Но особо не жалуется. Маша сказала, недели через три срастется, если не тревожить нагрузками.

– Маша... мне она нравится, добрая такая. Они мне все сразу понравились. Даже не знаю, чтобы мы без них делали...

– Переваривались в желудках зомби. Или сами бы ими стали.

– Бррр, лучше не говори об этом, – поморщилась Ксюша.

Девочка беззаботно болтала с сыном президента, не задумываясь, какая социальная пропасть еще недавно лежала между ними. Впрочем, Петр никогда не зазнавался из-за своего статуса, поэтому смог быстро адаптироваться к простой «человеческой» жизни. Раньше он мечтал стать теннисистом, но теперь ракеткой на кусок хлеба не заработаешь, а с новой профессией мальчик еще не определился. Петя подумывал о кузнечном ремесле, но обучить этому его пока никто не мог.

Подростки подошли к дому, где остановились их новые приятели. Мальчик сложил руки рупором и крикнул:

– Макс! Лена!

За стеклом показалась заспанная физиономия Совы, окно открылось, и подросток высунулся наружу:

– Привет. А сколько времени?

– Время гулять Агата, пока он здесь кучу не навалил, прямо под вашими окнами. Мы пришли, как договаривались. Вы идете?

– Идем, конечно... блин, мы проспали. Капец, дайте пару минут, сейчас Ленку растолкаю.

Пока сестра просыпалась, Макс торопливо натянул шорты, мятую майку, прицепил на пояс набор метательных ножей, с которыми никогда не расставался, и взял автомат.

Через десять минут подростки и собака направились в сторону реки. Они перелезли через баррикаду на выходе из поселка и спустились по пологому зеленому склону. Почти сразу на противоположном берегу начинался лес. Сосна, можжевельник, карликовый дуб, граб, бук и другие деревья тесно соседствовали друг с другом, давая пищу и укрытие многим животным в округе.

Агата отпустили с поводка, пес справил нужду, затем радостно забежал в реку по брюхо и стал лакать воду. Макс подошел к пешеходному мостику, который наглухо перевязали колючей проволокой. Парень с сомнением осмотрел преграду и потрогал острый металлический шип:

– Каннам здесь не пройти, но человек при желании сможет.

– А людей тут и нет, места у нас глухие. Севернее – только лес, а дальше – горы. Вся жизнь на юге, ниже к морю. Поэтому мы и выжили, – объяснила Ксюша, присаживаясь на траву.

А мы, наоборот, на побережье собираемся, – с легким беспокойством сказала Лена, – нам в Геленджик надо...

– Не факт что НАМ. Тебе там точно делать нечего, – перебил брат.

– В смысле?!

– Скорее всего, мы втроём с Ванькой и Андрюхой поедem. Остальные тут будут ждать.

Девочка тут же возмутилась:

– Ну вот еще, все вместе договаривались держаться. Уже забыл?!

– Тут вопрос безопасности. Вот стрелять научишься, тогда поговорим.

– Ну, так научи, – потребовала Лена и с вызовом посмотрела на Макса. Подросток развел руками и отвел взгляд:

– Блин, да у нас и так патронов мало. Я тебя пока научу, мне самому нечем будет стрелять.

Пока Савельевы спорили, Петр поднял палку, помахал ей в воздухе и швырнул на мелководье. Агат радостно рванулся за игрушкой. Пес схватил ветку могучими челюстями и перекусил ее пополам. Сын президента отвернулся от собаки и подключился к разговору:

– У нас в бункере есть оружие. Мы забрали часть, но там еще осталось. Так что вопрос с патронами, думаю, решаем.

Макс и Лена воскликнули как по команде:

– Супер!

– Тогда и меня научите, – тут же потребовала Ксюша. Сова встретился с ней взглядом, чуть смутился и кивнул:

– Научим, стрелять всем надо уметь.

Агат вернулся с огрызком палки. Пёс ткнулся Лене мокрым носом в бедро, фыркнул, посмотрел на Петьку, высунул язык и призывно задышал, требуя продолжения игры. Мальчик оглянулся по сторонам в поисках подходящей деревяшки:

– На тебя палок не напасешься, одну разгрызешь, вторую потеряешь. Ладно, сейчас, погоди.

Пётр отошел к молодой иве и принялся отламывать новую ветку. Лена поправила волосы, а Ксюша предложила заплести ей косички. Макс наблюдал за девочками, время от времени поглядывая на противоположный берег.

– Вы же вернетесь сюда после Геленджика? Здесь классно! На море, конечно, тоже хорошо, но там опасно. Надо выждать, пока зомби вымрут, так мама говорит, – Ксюша аккуратно сплетала локоны новой подружки в тонкие ровные косы.

Мимо них молнией пролетел Агат в погоне за палкой. Сова почесал ногу и украдкой посмотрел на девочку. Макс начинал влюбляться, но не подавал вида:

– Вообще мы как раз мечтали найти дом у моря в маленьком поселке, перебить там всех каннов и жить как на курорте. Или в Средиземное море двинуть, а может и дальше, на тропические острова перебраться.

– Где тропические острова – там и тропические болезни, – возразила ему Ксюша.

– Ну, жили же там как-то люди. Зато всегда тепло, фрукты, охотиться и рыбачить можно, – Макс достал метательный клинок и провел лезвием по шее, словно бреется. Лена заметила, что брат выпендривается, всё поняла и хихикнула.

– Это и тут можно, – продолжала гнуть свою линию девочка, – в этой речке даже форель водится, а в лесу зайцы, кабаны, косули есть, и другая дичь.

– А мне ваши планы насчет путешествий по душе. Я люблю приключения, – поддержал приятеля Петька.

– Вот путешествия пока придется отложить, – нахмурился Сова, – как вернемся, Андрей с Машей начнут в лаборатории над антивирусом работать. Твой батя сказал, что в бункере всё есть для этого. Там, кстати, круто? Как в фильмах фантастических, да?

Мальчик вспомнил свои ощущения от жизни в убежище. Особенно ярко врезалось в память то время, когда к власти пришел Чернов. Слово «круто» меньше всего подходило, чтобы описать эти чувства.

– Знаешь, Макс, там может быть круто первые три дня. А потом все быстро надоедает. Бесит ощущение, как будто живешь в консервной банке. Если с вакциной все получится, то люди сразу сбегут из этого бункера.

– А как же зомби? В убежище они не страшны, а вот на поверхности..., – Ксюша продолжала колдовать над прической Лены, с интересом слушая парней.

– Ну, кто-то останется, кому такая жизнь по душе. Но лучше драться с зомбаками, чем тухнуть в этом подземелье.

Агат вернулся с палкой и развалился на траве. Овчарка демонстративно грызла свой трофей, поглядывая на подростков. Сова почесал пса за ухом, стараясь не дотрагиваться до проплешин на шерсти:

– Вот не зря говорят – заживет как на собаке. Быстро у него раны затягиваются. Мы когда осядем на месте, тоже заведем себе такую зверюгу. Да, Ленка?

– Ну, можно. Только мне лабрадоры больше нравятся.

– А мне Джек-рассел-терьер. Они мелкие, но прикольные. Правда, в драке бесполезны. Хотя если за яйца схватят, то даже зомбаку мало не покажется, – ухмыльнулся Макс, встретился взглядом с Ксюшей и вновь принял серьезный вид.

Солнце поднималось и припекало от души. Агат снова полез купаться, и в это время на противоположном берегу шевельнулись кусты. Парни тут же схватились за оружие. Все напряженно вглядывались в зеленую чащу, ожидая появления зараженного или другую опасность. Где-то вдалеке послышалась кукушка, но никто не хотел спрашивать, сколько ему осталось жить. Пёс тоже замер и тревожно принюхивался.

– Может, стрельнуть туда для профилактики? – предложил Пётр.

– Патрон тратить не хочется, да и шуметь лишний раз. Зомбак бы уже показался, но через реку ему не пройти. Если не высовывается, то или зверь или...

– ...человек, – закончила Лена фразу за брата.

Прошло еще несколько минут. Никто не появлялся, кусты больше не шатались. Макс предложил перебраться на тот берег и проверить, но все стали его отговаривать, особенно Ксюша.

– Ладно, надеюсь, это был заяц. Дяде Феде только надо сказать. Пошлите отсюда, – Петька опустил пистолет и отвернулся от реки.

Друзья быстро поднялись по склону и скрылись в Дальнем. А с противоположного берега, пара глаз внимательно смотрела им в след. Кукушка замолчала, остановив свой счет.

Глава 3. Отшельники

Гул в чайнике нарастал. Из носика вырывался чуть жалобный свист. Через пару минут вода закипела и принялась с шипением выплескиваться на раскаленную печку. Языки пламени нагло выглядывали из-за дверцы топки, дрова трещали так, словно они не горели, а ломались.

Альберт Борисович всегда хорошо протапливал домик с утра. В последние дни он редко вставал ночью, чтобы подкинуть дров. К утру от поленьев оставалась одна зола, и жилище быстро остывало. Но в целом домик был добротный, без сквозняков и даже уютный. Под потолком висело множество пучков сушеной ароматной травы для чая. На полу лежали теплые коврики, сшитые из шкурок животных. Запах кедра, смешанный с легким дымком печи, создавал особую атмосферу. Окошки были маленькими, так что в комнатах даже в ясный солнечный день стояли сумерки. Зато, когда люди выходили на улицу, свет просто резал глаза, особенно сейчас, когда земля покрылась белым снежком.

– Пойду еще воды принесу. Поставлю греться для посуды, – Хаимович кашлянул в кулак и натянул валенки.

Таня посмотрела в окно, которое покрылось тонкой морозной паутиной. Сегодня чуть потеплело, но снег все равно уже не таял и, как сказал наставник, «лег до весны». Девочка помнила, что в Новосибирске в это время было теплее, в основном, моросили дожди. Но в горах зима приходила раньше, а уходила позднее.

Через минуту дверь скрипнула и быстро захлопнулась. В комнате почувствовалось морозное дыхание улицы. Даже дрова в печи загудели веселее, получив свежий приток кислорода. Таня сидела в кофте и теплых штанах, но все равно на мгновение ей стало зябко.

Профессор поставил на пол у порога два ведра ледяной студёной воды. Рядом с домиком тек ручей, Веня говорил, что он не замерзал даже в самые лютые морозы. Девочка часто вспоминала доброго веселого дядьку инспектора, который так неожиданно заразился. Хаимович до сих пор винил в этом себя.

Но еще больше Тане не хватало Доджа. Его могила сейчас превратилась в маленький заснеженный холмик. После гибели собаки и без того немногословный Альберт Борисович совсем замкнулся в себе. Он две недели почти не разговаривал с девочкой, открывая рот лишь в самом крайнем случае. Но постепенно боль от потери лучшего друга стала притупляться, и мало-помалу ученый приходил в себя. Наставник никогда не обвинял Таню напрямую, но временами малышке казалось, что он ненавидит ее за то, что она выпустила боксера на улицу в тот роковой день.

– Что сегодня приготовим? Кролика с лапшой или уху сварим? – профессор стряхнул иней с бороды и усов. Он совсем перестал бриться и все больше походил на угрюмого Деда Мороза.

– А может, грибной суп? Давно не варили, я бы его поела.

– Грибной, так грибной. Налей пока воды в зеленую кастрюлю.

Девочка взялась за черпак, а Альберт Борисович развязал большой мешок и достал паке-тик с сушеными грибами. Рецепт их таежного грибного супа был специфическим: картошка закончилась, поэтому ее заменяли лапшой, а вместо свежих овощей использовали сухой суповой концентрат из старых запасов Вени. Зато мяса клали вдоволь, так что бульон получался сытным и наваристым.

– На охоту сегодня не пойдете?

– Ветер поднимается. Мне кажется, метель начнется. Дичи у нас достаточно, пока дома посижу, – Хаимович протер очки и открыл новый пакет с лапшой, – сейчас чаёк попьём, суп поставим варить и за уроки возьмемся.

Профессор старался наладить что-то вроде домашнего обучения для девочки. Таня читала каждый день, занималась арифметикой, а по части растений и животных могла дать фору любому старшекласснику. Малышка затерла до дыр книжки про флору и фауну Сибири, которую нашли в небольшой, но полезной библиотеке Вени. Хаимович по памяти рассказывал ей основы географии и истории, а физкультуру девочке заменяли долгие прогулки по лесу.

– Информатике я тебя не научу, языками тоже почти не владею, логарифмы с интегралами тебе брать не понадобится. А вот как рану перевязать, перелом срастить, какие ягоды есть можно, а какие нет и чем костер разжечь – вот эти науки самые полезные сейчас будут.

– А стрелять? – после нападения волков на Доджа Таня захотела научиться владеть оружием. Даже зомби ее так не пугали, от них можно было убежать, обмануть, даже ножом убить. Но быстрые, умные и расчетливые волки вызывали в малышке настоящую дрожь.

– Научу, окрепни немножко, по весне будем тренироваться, – уклончиво пообещал наставник.

Он и сам понимал, что без этого навыка не выжить, но подходящего оружия для девочки пока не было.

«Вот бы мелкашку или пистолет, куда ей из таких ружей палить, ключицу еще сломает», – думал профессор, рассматривая худенькую шуплую Таню.

Но зато девочка неплохо разбиралась в технической части: умела заряжать и чистить ружья, знала какой калибр куда подходит, с чем охотиться на кролика, а каким патроном отбиваться от медведя, если придется. Таня росла смышленной, старательной и любопытной, но Хаимович не мог ответить на все ее вопросы.

– Если вернемся в город, ограбим какую-нибудь библиотеку. Тебе нужно больше читать, ну и практика, само собой.

– А с другими людьми мы будем общаться? – девочке не хватало веселых компаний и детских игр. Раньше родители часто устраивали шумные вечеринки, куда приглашали друзей с детьми. Таня со многими дружила во дворе, она любила общаться и заводить новые знакомства.

– Поживем-увидим. Смотря, что за люди, – нахмурился наставник, – как-то нам не очень везет в этом плане. Ты же не хочешь общаться с такими как эта баба Галя или как там ее звали?

– Баба Зина! Брррр, она мне недавно в кошмаре приснилась, – малышка вспомнила злую угрюмую старуху, которая стала ее надзирательницей в поселке Беркута.

– Вот и я про тоже. Людей осталось очень мало, а хороших людей – еще меньше. Надо рассчитывать только на себя.

– А тот дядя, которого мы встретили здесь в лесу?

Альберт Борисович вспомнил лицо приятчика Жеки, с которым они столкнулись по пути на эту базу. Хаимовичу хотелось отделаться от такого «соседа», вот только до его жилища было два дневных перехода. При этом на лыжах, с затяжными подъемами и спусками. Снегоход Вени почему-то не заводился, профессор провозился с ним пару дней, но не смог реанимировать. А лошадь могла запросто переломать ноги на скользких крутых тропах. Ученый боялся отправиться в такое рискованное путешествие и оставить девочку без присмотра. Он надеялся, что и шорец не заберется в его края. Одному, без оружия, бродить в этих местах – дело опасное.

Несколько раз в неделю по ночам они слышали волчий вой, иногда тихий и отдаленный, а временами совсем близкий. В такие моменты, несмотря на безопасное убежище, страх пробирал людей до костей. Они знали, что матерый самец, который растерзал Доджа, продолжал бродить по округе. Хаимович чувствовал – серый хищник ждет удобного момента, чтобы отомстить за волчицу. Отомстить хотел и профессор, но зверь был слишком хитер и осторожен для такого неопытного охотника как Альберт Борисович. Вспомнив про волка, ученый подумал о приятчике: «Хорошо бы серый встретил этого Жеку в лесу. Не пришлось бы мне марать руки».

Но вслух сказал совсем другое:

– Тот дядя далеко живет. И не думаю, что он для нас – подходящая компания.

На другой ответ Таня особо и не надеялась. Малышка видела, что наставник не любит людей. По своей натуре он был одиночка и, казалось, всю жизнь мечтал стать отшельником в такой глуши.

– А весной мы вернемся в Новосибирск? – девочка помнила, что профессор обещал ей это, когда они покидали город.

Хаимович поднялся, бросил в чайник немного сушеной душицы, ромашки и листьев черники:

– Зиму надо пережить. Вот снег растает, тогда решим.

Домик наполнился ароматом травяного чая. Таня прижалась носом к холодному стеклу, на улице летели снежные хлопья. Небо, земля и воздух – все стало белым. В такую погоду приятно было сидеть у горячей печки, под пледом с кружкой горячего чая, читать книжку и поглядывать в окно.

– Пойду, живности еще корма кину, пока тропинку не завалило, – ученый натянул шапку и вышел.

С приходом зимы работы прибавилось. Теперь приходилось постоянно чистить крыльцо, дорожки до ручья, бани, стайки и туалета. Но это была очень маленькая цена за безопасность и спокойствие. Ни один зомби сюда уже не смог бы добраться.

Через несколько минут Таня услышала громкий топот на крыльце. Наставник вернулся и отбивал валенки от снега. К его приходу девочка поставила на стол две кружки чая, кедровые орехи и мороженую чернику.

– Фух, метель начинается. Холодает.

Вскоре ветер усилился. Он завывал под крышей и швырял горстями снежинки в окно. Ученый подбросил еще несколько поленьев в топку. На плите закипел бульон для грибного супа, в комнате стоял запах мяса молодого кабана, которого недавно подстрелил профессор.

Неожиданно безмятежность таёжных отшельников нарушил требовательный стук в дверь. Хаимович схватил ружьё и жестом приказал девочке спрятаться на втором этаже. Стук повторился, а вслед за ним раздался голос:

– Открой! Это я! Жека из «Медвежьего уха»!

– Про него вспомнишь, оно и всплывет, – проворчал профессор, нехотя шагая к двери. Приютчик ввалился в дом, словно большой снежный сугроб. Его ресницы и редкая борода покрылись инеем, обветренная смуглая кожа на лице покраснела. Не разуваясь, шорец устало сел прямо у порога. Снег, свалившийся с него, стал быстро таять, и пол покрылся мелкими лужицами.

– Ой, горе жить. Думал, успею до бурана, но он меня на подъеме поймал, – Жека скинул толстые рукавицы и стал растирать замерзшие руки.

Только затем он посмотрел на Альберта Борисовича, прищурил и без того узкие глаза и удивленно воскликнул:

– О, Игорь! Здорово! А где Веня?

Ученый на секунду опешил, услышав чужое имя, но тут же вспомнил, что сам так представлялся для конспирации, во время их первой встречи в лесу.

– А ты Веню знаешь? – вопросом на вопрос ответил Хаимович.

– Конечно! Давно, правда, не видел.

– Нет его больше. Умер Веня. Он был моим старинным приятелем, – сухо пояснил профессор и сделал шаг назад. Его рука с напряжением сжимала ружьё.

«Одно резкое движение, один взгляд, который мне не понравится – и я превращу его морду в фарш», – решил про себя Альберт Борисович.

Гость с ошеломленной физиономией уставился перед собой, новость о смерти инспектора его явно обескуражила:

– Вот так дела. Бродя здоровый мужик был. Как он умер?

– Как и остальные – эпидемия. Она и сюда добралась. Веня заразился, мы его в лесу встретили, пришлось застрелить. Там в поле крест стоит, могила его.

Жека погрузился в себя и замолчал. Наконец, он облизнул потрескавшиеся губы, вытер оттаявшие под носом сопли и поднялся. Остатки снега скатились по его старой затасканной серо-зеленой горнолыжной куртке. Хаимович боялся моргнуть и следил за каждым действием чужака.

– Погреться можно? – приютчик с грустью посмотрел на нового хозяина дома.

Ученый не очень хотел чаевничать с человеком, которого еще недавно без причины планировал пристрелить, но все-таки пригласил гостя к столу.

– Как вы здесь оказались? До вашего дома путь неблизкий, – Альберт Борисович поставил перед шорцем кружку с горячим таежным чаем.

– Хотел у Вени ружье купить. Я нашел одно в «Поднебесном». Это приют так называется, сейчас он заброшен, конечно. Я прожил там три дня, никто не пришел. Вот я ружье и забрал, а к нему – двадцать патронов. Но они закончились, а зима длинная. Я вспомнил, что у инспекторов водилось оружие, хотел сторговаться, – Жека уставился на профессора вопросительным взглядом.

– Ну да, было ружьишко, – нехотя согласился Хаимович и поднялся, чтобы высыпать грибы в кастрюлю.

– Игорь, продай! Назови цену! Ты когда в лесу на лошади ехал, много стволов вез. А сейчас у тебя еще больше, а у меня – ни одного!

«Вот и не надо. Пока без оружия, ты не так опасен», – Альберт Борисович судорожно взвешивал все «за» и «против» возможной сделки.

На вид шорец казался простым добродушным парнем, но профессор панически никому не доверял. В каждом незнакомце ему мерещился хитрый враг. С другой стороны, Хаимович понимал, что доведенный до отчаяния человек опасен и с вилкой в руках. При желании приютчик мог подкараулить его или Таню даже вечером в туалете. Собаки у них нет, некому предупредить о приближении чужака.

Гость сидел, поджав одну ногу под себя, и с блаженством попивал горячий чай. Взгляд ученого скользнул по ружью, которое осталось висеть в коридоре.

«Просто сделать несколько шагов, взять карабин и расстрелять его на месте. Он ничего не подозревает, даже дернуться не успеет. Тане я потом всё объясню, скажу, что с ножом на меня напал, пришлось защищаться. Давай же, так надо...», – Альберт Борисович нервно сглотнул слюну и трясущимися руками закрыл кастрюлю крышкой.

– Я вам тут все места покажу, где рыбу ловить лучше, где охотиться. Все растения здесь знаю, какое от поноса помогает, а какое жар может снять. Следы на земле и снегу научу читать, силки хитро ставить, что ни один зверь не догадается, – настойчиво убеждал профессора Жека.

– Да-да, сейчас-сейчас, – пропустив мимо ушей слова шорца, Хаимович направился в прихожую. Он снял ружье со стены и замешкался на секунду: «Не хочется дома кровить разводиться..., ну ничего, отмоем».

Решительный настрой профессора сбил звук шагов по лестнице. Таня спускалась со второго этажа:

– Все нормально? У нас гости, да?

– А? Ну... ты это... я же сказал наверху сидеть! – недовольно процедил сквозь зубы наставник.

– Вы разговаривали, я подумала, что мне тоже можно, – девочка уже стояла на полу, растеряно глядя на профессора.

- О! Привет! – Жека радостно поздоровался и дружелюбно махнул рукой из кухни.
- Здрасьте, – скромно ответила малышка, с любопытством рассматривая гостя.

Альберт Борисович вытер нервную испарину со лба и повесил карабин на место. Приютчик тем временем продолжил свою болтовню, чувствовалось, как он соскучился по живому человеческому общению:

– Здорово у вас тут. Ветрогенератор, электричество. А телека нет?

– Неа, только книжки, – вздохнула Таня, присаживаясь за большой кедровый стол.

– А у меня в приюте плазма висит. И десять терабайт фильмов на жестких дисках. Правда, я все уже на три раза пересмотрел. Одному-то делать нечего. Это раньше в моем приюте туристы и зимой и летом жили. Со всего Кузбасса приезжали, с Хакасии, Новосибирска, даже москвичи заглядывали.

– У тебя тоже «ветряк» есть? – удивился Хаимович.

– Нет, обычный генератор, на горючке.

Профессор неторопливо размешивал сахар в кружке с чаем:

– И ты жжешь топливо, чтобы кино посмотреть?

– А что с ним еще делать? Так хоть какое-то развлечение. А то и с ума сойти можно.

– Сто лет фильмы не смотрела, – завистливо протянула девочка.

– Приходите в гости, в любое время! – радостно пригласил шорец.

Таня робко взглянула на Альберта Борисовича, но тот уставился в окно. Снег продолжал валить, порывистый ветер то затихал, то взывал с новой силой.

– Далековато нам идти. На лошади не проедешь, снегоход сломан. А ночевать в сугробе не хочется...

– Со снегоходом не смогу помочь. Я в технике плохой специалист, – признался Жека, – на Лужбе база стояла, это через реку от железнодорожной станции. Вот там много снегоходов было, туристов катали до приютов.

Хаимович насторожился:

– И как там на этой базе? Люди есть?

– Пусто. Половина сгорела, остальное заброшено. Пост МЧС тоже погорел. Ближайшие домики и приюты все обезлюдили. Раньше там толпы ходили, а сейчас – ни души.

Альберт Борисович сочувствующе покачал головой, хотя новость эта его очень порадовала:

– А кроме нас людей еще видели? Может, кто еще в горах появился?

– Нет. Тишина. Тут только мы.

Ученый посмотрел на Таню, затем на гостя и, наконец, принял трудное решение. Через пару минут он положил на стол одно из ружей Вени и поставил несколько коробок с патронами. Глаза Жеки засветились от счастья.

– Я торговаться не очень люблю. Что за это предложишь? – Хаимович встал у окна, для предосторожности сжимая в руках карабин. Когда мужики допили чай, то ударили по рукам. Сделка состоялась.

Глава 4. Политика

Иван проснулся, поцеловал Машу в щеку, но она продолжала безмятежно сопеть. Космонавт повалился пару минут на кровати, разглядывая потолок, затем натянул трико с майкой и пошел на кухню. Воробьев проснулся первым, остальные в доме еще спали. Парню захотелось кофе, и он достал из шкафчика латунную турку.

У друзей остался небольшой запас молотого кофе еще со времен путешествия по Волге на «Белухе». Иван включил газовую плитку и налил воды. Какой же это был кайф, снова почувствовать все удовольствия цивилизации: электричество, газ, водопровод, горячий душ и канализация.

Послышались босые шаги по лестнице. Катя тряхнула копной рыжих волос и убрала их в хвост:

– Привет, а я думаю, кто тут уже гремит на кухне? Решил всем завтрак приготовить?

– Утро доброе. Предлагаю разогреть вчерашний ужин, смысл готовить, если сегодня разъезжаемся. Там как раз должно всем хватить. А пока хочу кофеек сварить. Ты будешь?

– Конечно, сейчас только зубы почищу.

Лисицина пошла в ванную, а Воробьев невольно проводил её взглядом. Стройные ножки, короткие обтягивающие шортики, упругая грудь, очертания которой легко угадывались под тонкой белой маечкой. Иван в очередной раз слегка позавидовал другу. Космонавт уже не впервые ловил себя на этой мысли, глядя на Катю, от чего ему становилось немного неловко перед Машей. Она тоже была красоткой, но от рыжей студентки исходила какая-то особенная энергетика. У Воробьева в такие моменты под кожей словно проскакивало электричество. Он постарался подавить возбуждение и занялся кофе. Иван вспомнил, как Маша однажды рассказала, что нравилась Андрею, и он к ней подкатывал во время работы в лаборатории. Эта ситуация позабавила космонавта.

Дом постепенно просыпался. Вслед за Катей спустился Андрюха, за ним – Макс, последними на кухню притопали Лена и Маша. Все немного нервничали, сегодня впервые за долгое время их группе предстояло разделиться.

– Кать, ты вещи собрала? – пробурчал Кузнецов, сонно размешивая сахар в черном кофе.

– Сейчас соберу, у нас вещей-то кот наплакал.

Маша поставила разогреть сковородку со вчерашней лапшой по-флотски, в которую вместо фарша щедро добавили говяжьей тушенки:

– Если наткнетесь в Геленджике на магазин одежды, выгребайте все подряд. Здесь уже разберемся с размерами.

– Угу, ты думаешь, там местные еще не выгребли? – муж скептически скривил рот, – по нашему опыту, в каждом городе какая-то кучка людей да выжила. Соответственно, они все ресурсы к рукам и прибирают.

– Думаю, шмоток в городе пылится гораздо больше, чем может понадобиться кучке выживших в ближайшие годы, – возразила Катя, – а мы уже как бомжи ходим в драных обносках.

– Мы и есть бомжи, – согласился Макс, распаковывая пачку печенья, – определенного места жительства у нас нет, а этот домик так... временная берлога.

Лена задумалась над словами брата:

– А мне здесь нравится. Я про поселок говорю. Маленький, уютный, от больших городов далеко. Свет, газ, вода есть. Я бы тут подольше осталась.

– Готова променять ферму на море? – усмехнулся Сова.

Кузнецов удивленно посмотрел на девочку:

– Ну, вот они сидят в глуши, а зомби к ним все равно припёрлись. Причем такой ватагой, что мама дорогая. Канны мигрируют, надо это учитывать. Когда в городах заканчивается хавчик, они двигаются дальше. И жрут, жрут, жрут всех кого встретят. Я все-таки предлагаю действовать по нашему плану, когда здесь дела завершим.

Слова Андрея вызвали одобрение у Макса и Кати. Лена свое мнение уже высказала, а Воробьевы молчали. Космонавт задумчиво разглядывал кофейную гущу на дне кружки, словно пытался узнать будущее:

– Ключевая фраза «завершим дела», а это хрен пойми насколько может растянуться. При удачном раскладе наш вояж в Гелендж два-три дня займет, а сколько вы в своей лаборатории проторчите – неизвестно.

– Ну, я тоже не собираюсь подписываться там на вечную кабалу...

– Андрей, так нельзя. У нас появился шанс создать вакцину, – строго одернула коллегу Маша.

Кузнецов в ответ хмуро проворчал:

– Это у них шанс появился, у нас-то есть иммунитет. Тут вопрос кто кому нужнее.

Такой ответ еще больше возмутил девушку:

– Да что с тобой?! Речь идет о выживании человечества как вида! И эта вакцина, возможно, – единственный шанс. А ты тут сравниваешь кто кому нужнее.

– Ладно-ладно, остынь. Я не так выразился, ты права. Все, проехали... извини, – поспешно ретировался Андрей, чтобы не выслушивать моральные проповеди.

– Короче, доедаем, собираемся и по коням. Через час договаривались уже у президента быть, не хорошо опаздывать на встречу с первым лицом, – легкая улыбка скользнула по губам Ивана.

– Ага, первое побитое небритое лицо. А как его коттедж тут официально называется? Кремль? – подхватил шутку Макс.

Несмотря на мандраж перед важным делом, по ходу разговора настроение стало улучшаться. Все-таки они почти добрались до моря. Цель, которая из Новосибирска казалась призрачной и трудной, была почти достигнута. Но теперь появились новые задачи и заботы. Впрочем, только у мертвецов нет заморочек.

– А че вы Корнилова троллите? По мне, так нормальный мужик, без закидонов, даже скромный. Не стучит тут туфлей о стол, не требует, чтобы все ему подчинялись. И пацан у него адекватный, не мажор вроде, – заступился за президента Кузнецов.

– Ну, кстати да, я тоже удивилась, – согласилась с парнем Катя, – вообще его не узнала. Думала, фермер какой-то бородатый. А тут на тебе – президент!

Макс залпом допил свою кружку, с аппетитом дожевывая лапшу:

– Выходит, тут – новая столица? Раз президент теперь здесь живет.

– Думаю, сейчас в каждой общине свой президент. Или, скорее, диктатор. Единственный плюс Корнилова – это доступ в подземное убежище, про которое мало кто знает. Посмотрим на их лабораторию, может и получится что путное, – задумчиво сказал Андрей, разглядывая мельхиоровую вилку.

Все на время покидали поселок: Иван и Макс собирались добраться до Геленджика морем, помочь им в этом вызвались Гор и Леха. Маша с Андреем опраивались в подземный правительственный бункер для работы над антивирусом, Лена и Катя ехали с ними, так как не хотели оставаться вдвоем в Дальнем.

Прежде чем прийти к этому решению, все долго спорили. Вначале Маша предлагала всем вместе ехать на поиски родителей мужа, но Лев Николаевич настаивал, чтобы они незамедлительно приступили к разработке вакцины.

– Ваши знания – ключ к выживанию людей как вида. Умоляю, не рискуйте собой. Мы все можем помочь Ивану найти папу и маму, я сам готов поехать с ним, но ВЫ... ВЫ с Андреем

должны сосредоточиться на антивирусе. Только ВВІ можете создать вакцину, а значит, должны быть в полной безопасности.

В итоге, Андрей и Маша, нехотя, но согласились с доводами президента. Для розыска родителей Воробьева решили собрать небольшую мобильную группу из молодых крепких парней, поэтому Льва Николаевича и Федора оставили для охраны поселка.

Горик сказал, что поможет найти судно в Дагомысе и составит компанию новым знакомым в этом путешествии. Леха предложил свои услуги в качестве боевой единицы, возражать никто не стал. Им вчетвером предстояло отправиться в бывший город-курорт, однако еще надо было решить задачу, как именно туда добраться.

Но сначала требовалось пополнить арсенал, который у защитников Дальнего полностью истощился после вторжения зараженных. Этот момент Лев Николаевич пообещал быстро уладить, он помнил, что в бункере хранилось еще достаточно оружия. Утром две машины выдвинулись из поселка в сторону правительственного убежища.

Без присмотра дорога быстро приходила в упадок, в некоторых местах изрядно навалило веток и мусора. На одном из участков рядом с отвесной скалой пришлось расчищать асфальт от камнепада. До убежища добрались чуть позднее, чем планировали, но в целом без серьезных неприятностей.

Корнилов подъехал к главным воротам, вышел из машины и нажал на сигнальную кнопку. Пришлось ждать минут десять, прежде чем их впустили за защитный периметр. Поводов для волнения особо не было, но президент почувствовал странную тревогу. Проход открылся, машины заехали на территорию и припарковались около небольшого здания.

– Ого! Это обсерватория? Настоящая? – Макс с жадным любопытством смотрел на большой серый купол.

– Да, действующая была, автоматизированная. А под ней – наш бункер, – президент махнул в объектив камеры наблюдения. Андрей с легкой подозрительностью осматривался по сторонам. Ученый ждал, что где-то в земле вот-вот со скрежетом разъедутся огромные ворота и откроется вход в подземный туннель, как в фантастических фильмах.

– Значит, тут должны были прятаться все сливки общества, если начнутся проблемы? – с легким цинизмом поинтересовался Кузнецов.

– И тут тоже. Это один из центров системы «Периметр», их немало по всей России. У нас же страна большая, вот случись, например катастрофа – ядерная война, а президент с рабочим визитом на Дальнем Востоке. По протоколу сохранения первых лиц, он в Москву возвращаться не будет. Его доставят в убежище под Владивостоком, Хабаровском, Магаданом. В общем, куда ближе, туда и доставят, если смогут.

– И что, рядом с каждым большим городом такой бункер есть? – продолжал расспросы ученый.

Лев Николаевич на секунду задумался, вспоминая карту центров спасения:

– Нет, не с каждым, но со многими. Постройка такого объекта – недешевое удовольствие. Их начали активно создавать после 60-х, а в начале двухтысячных старые стали перестраивать и возводить новые. Ладно, снаружи тут особо не на что смотреть, пойдете внутрь.

Корнилов подошел к длинному одноэтажному зданию, с несколькими воротами, которое напоминало большой гараж для спецтехники. Президент набрал пароль на кодовом замке, и дверь открылась. Внутри тут же зажглись яркие лампочки, Лев Николаевич уверенным шагом направился по коридору:

– Нам сюда, не отставайте.

Когда все оказались в маленькой пустой комнате, Корнилов запер дверь на замок, провел рукой по стене и активировал сенсорный дисплей:

– Мы на месте.

Пол загудел под ногами и начал медленно двигаться вниз. Макс задрал голову и посмотрел, как потолок удаляется:

– Это лифт такой?

– Да, это один из входов в убежище, парадный, так сказать. В прошлый раз мы пробирались через черный. Сейчас будет зона стерилизации, не пугайтесь. Процедура не очень приятная, но без нее никак.

Андрей придвинулся к Ивану и тихо сказал на ухо:

– В каком смысле «стерилизации»? Яйца, что ли, отрежут?

– Сплюнь, накаркаешь, – шикнул на друга космонавт.

Только после многоуровневой дезинфекции их впустили в сам бункер. Друзья ожидали увидеть что-то фантастическое, но реальность оказалась довольно будничной.

– Чем-то на нашу лабораторию похоже, – с легким разочарованием зевнул Андрей.

Маша согласилась и сдержанно добавила:

– Да, есть что-то общее. Главное – как она укомплектована. Хочу уже побыстрее взглянуть на оборудование.

Президент в это время тепло здоровался со старыми знакомыми. Их быстро обступила чуть ли не половина бункера. Убежище гудело как встревоженный улей, но гудело весело, радушно. Все хотели услышать новости с поверхности и наперебой задавали вопросы. Вдруг в толпе послышался высокий, чуть писклявый, но властный голос, и остальные замолчали:

– Лев Николаевич! Как мы рады вас видеть! Ого, где это вам так досталось? Пойдемте, я обработаю раны, – Елена Васильевна Малышкина выплыла из-за спин и приторно улыбнулась Корнилову.

Президент удивился, когда услышал новые нотки в голосе своей бывшей подчиненной. Раньше она больше походила на серую мышку, но за время его отсутствия преобразилась. Корнилов кивнул в знак приветствия:

– Благодарю, уже заживает. На поселок напала целая армия людоедов, пришлось повоевать. Патроны закончились, нужно пополнить арсенал.

Малышкина недовольно поджала губы:

– Лев Николаевич, пойдемте, обсудим эти стратегические моменты.

«Вот хитрая жаба, – подумал Корнилов, – похоже, прибрала тут власть к рукам, а власть людей меняет, и зачастую не в лучшую сторону. Нет, мы с тобой шушукаться за закрытыми дверями не будем».

Игнорируя предложение бывшего замминистра по здравоохранению, президент обратился к Калмыкову:

– А как Захар Евгеньевич? Лучше?

– Состояние стабильное, мало-помалу приходит в себя.

– Я его навещу, как дела закончим.

Главный инженер убежища продолжал восстанавливаться после тяжелого инсульта и почти не принимал участия в жизни общины. Корнилов оглянулся на своих спутников:

– Я не познакомил вас с новыми друзьями...

Лев Николаевич представил всех по именам, назвав последними Андрея и Машу. Малышкина уставилась на чужаков маленькими хитрыми глазками:

– Видимо, много оружия требуется, раз такой большой делегацией прибыли?

Елену Васильевну окружали несколько человек из представителей старого правительства и чиновников помладше рангом. Президент с каждой минутой все отчетливее понимал, что для многих он здесь уже чужой.

«У них новый лидер, новая маленькая элита, и уступать свою власть им ой как не хочется», – Лев Николаевич почувствовал, как отвык от этой скользкой политики, но дело того требовало.

– Оружие, лекарства, а еще и семена из биохранилища. Лучшие сорта картофеля, пшеницы, подсолнечника, кукурузы, у меня целый список от нашего «агронома».

Мальшкина аж надулась, не ожидая такой наглости. Теперь ей обязательно требовалось продемонстрировать свой авторитет. Лев Николаевич уже не имел той поддержки, что в «старые» времена. Главных его сторонников перебили во время мятежа, а после того как Чернов сбежал, Елена Васильевна с ловкостью паучихи стала плести сети интриг, чтобы зацепиться за власть. И ей это удалось. Она не могла позволить экс-президенту приходить, когда вздумается, и брать что ему захочется.

– Лев Николаевич, вы прекрасно знаете, что наши ресурсы ограничены. К тому же они принадлежат не только ВАМ, но и всей НАШЕЙ общине. Если вы хотите что-то взять, то, пожалуйста, предложите товар ВЗАМЕН. Я думаю, что выражаю мнение большинства, – Мальшкина, посмотрела по сторонам. Люди в нерешительности молчали, не зная, на чью сторону встать.

Корнилов мысленно улыбнулся: «Браво, Елена Васильевна, вам надо было работать в министерстве торговли, а не в здравоохранении. Думаете, мне нечего предложить взамен, поэтому решили поторговаться? Ошибаетесь, в моем рукаве такие козыри, что вам и не снилось».

Гул нарастал, народ шушукался и обсуждал между собой вполголоса. Лев Николаевич поднял руки над головой, призывая всех замолчать, его мгновенно послушались:

– Друзья! Я абсолютно согласен с госпожой Мальшкиной. Как ваш новый лидер, она заботится о сохранности ресурсов сообщества. Это очень мудро и дальновидно.

Во фразе «новый лидер» проскользнула легкая ирония, от чего по лицу Елены Васильевны пробежала тень раздражения. Корнилов тут же продолжил:

– Я со своей стороны тоже думаю о будущем нашего общества. Поэтому мы готовим фундамент для ВАШЕЙ жизни вне этих стен. Когда эпидемия закончится, и вы подниметесь на поверхность, то у вас уже будет новый дом. Безопасное место, уютный поселок, рядом с которым раскинутся засеянные пашни и луга. Вы не будете скитаться по лесам, пытаться приспособиться к новой реальности.

Люди жадно вслушивались в каждое слово президента, им как воздух требовалась вера в счастливое будущее. И Лев Николаевич умело подпитывал эту веру:

– Но для этого нам нужно сейчас отстоять и сохранить это место, поэтому мы пришли попросить вас о помощи. Вы в безопасности, а мы рискуем жизнью каждый день, отбиваясь от бандитов и зомби. У нас нет складов, забитых припасами под завязку, нам приходится добывать пропитание. И те семена, которые вы дадите сегодня, станут вашим хлебом завтра.

– Завтра понятие растяжимое, никто не знает, насколько затянется эпидемия, – Мальшкина скрестила руки на груди и отвернулась в сторону.

– А это и есть главная цель нашего визита! К счастью, нам удалось познакомиться с этими ребятами, – президент обнял ученых за плечи, – они уже спасли наши жизни недавно и, уверен, спасут еще много жизней в будущем. Андрей и Мария останутся в убежище, чтобы трудиться над созданием вакцины. Это вирусологи из Новосибирска, они работали в одной из лучших лабораторий страны. И, думаю, только они смогут создать антивирус. Поэтому обеспечьте их всем необходимым, я убежден, что все понимают важность их миссии.

Елена Васильевна открыла рот, но слова застряли у нее в горле. Звуки ликования грянули под сводами бункера. Одни хлопали, другие восторженно кричали, каждый норовил дотронуться до ученых. Через час Лев Николаевич, Иван, Макс и Горик поднимались на поверхность со всем необходимым.

Президент покидал убежище с волнением, интриги Мальшкиной его очень настораживали. Но, по крайней мере, она не устраивала массовую казнь неугодных новому режиму. Сей-

час они получили все, что хотели, но кто знает, какой прием им устроят в следующий раз. Во многом это будет зависеть от Андрея и Маши.

Глава 5. Дагомыс

Борис сидел на чердаке и единственным уцелевшим глазом смотрел вслед двум машинам, которые только что выехали из поселка. Шло его первое дежурство на «фишке» после побоища с зомби. Оксана и Марина еще настаивали на постельном режиме, но Робокопу надоело чувствовать себя балластом.

– Какая рафница, фто дома шидеть фтаны проширать, фто на посту? Так фоть какая-то польза, – шепелявя через слово, заявил пограничник и потребовал включить его в график дежурств. Федору пришлось уступить другу.

Борис достал из кармана таблетки обезболивающего и запил водой из бутылки. Руки немного тряслись, он пролил несколько капель на майку. Сегодня опять приснился тот же кошмар, что часто мучил его последние месяцы: пограничник плыл глубоко под водой и пытался подняться на поверхность. Он видел, как над головой просвечивали лучи солнца, но вдруг вода покраснела, а во рту появился солоноватый металлический привкус. Опять он – вкус крови, его невозможно спутать. Робокоп делал большие гребки, но поверхность приближалась очень медленно. Грудь нестерпимо сдавило, воздух в лёгких заканчивался, он стиснул зубы, еще несколько усилий... но что-то в этот момент резко дернуло его за ногу. Борис наклонил голову и увидел, как сотни рук тянутся за ним со дна, они хватают его, царапают когтями и утаскивают в глубину. Отчаянный крик – и последние пузырьки кислорода вырвались из его рта. Воздух закончился, вода хлынула в легкие. От этого крика он каждый раз просыпался в кровати, тяжело дышал и долго приходил в себя. Кошмар снился всегда под утро, поэтому очень ярко запоминался.

Когда зомби навалились на него со всех сторон в поле около поселка, пограничник поймал себя на мысли, что оказался в том страшном сне. Глаза наполнились кровью, во рту появился знакомый металлический привкус, а множество рук и зубов разрывали его на части. Он никак не мог выбраться из-под толщи вонючих рычащих тяжелых тел. Последнее, что Борис помнил – это жуткая боль в глазу, после чего мужчина потерял сознание.

«Пара десятков рваных ран, три выбитых передних зуба и выдавленный глаз – не такая уж большая цена за то, чтобы вернуться с того света», – посчитал Робокоп. Вот только появившаяся шепелявость его сильно раздражала. Теперь пограничника с трудом понимали окружающие, и прежде чем что-то сказать, приходилось мысленно продумывать предложения или повторять по несколько раз.

Борис проследил за машинами взглядом, и перед тем как они скрылись за деревьями, успел перекрестить путников на удачную дорогу.

Впереди за рулем большого гибридного пикапа «Тойота Галактика» сидел Горик. Справа от него, выставив дуло Калашникова в открытое окно, ехал Иван. Позади парней в открытом кузове со связанной мордой и ногами стоял живой баран. На заднем сидении машины лежали обувь и продукты. Во внутренний карман олимпийки Воробьев спрятал мешочек с драгоценностями, которые они сняли с трупов зараженных. Все это добро захватили с собой в качестве оплаты, если удастся найти судно с капитаном.

Но Иван не особо на это рассчитывал, хотя понимал, что самим добраться до Геленджика морем будет не просто. Одно дело управлять на реке навороченной и нашпигованной электро-ником яхтой, другое – рыбацкой лодкой, не зная фарватера и особенностей морского судоходства. Оставался еще вариант пробираться сушей вдоль побережья, но все сошлись на том, что лучше пойти морем.

Но больше чем за себя, космонавт переживал за Машу, которая оказалась в окружении незнакомых людей в подземном бункере. Конечно, рядом с ней были Андрей, Катя и Лена, но почему-то его это слабо успокаивало. Воробьев начал тихо недолюбливать Льва Николае-

вича, это ведь он вмешался в их планы насчет Геленджика. Президент убедил ученых немедленно приступить к работе над вакциной. Из-за этого пришлось разделиться, ведь космонавт тоже не хотел откладывать поиски родителей.

Впереди показался указатель примыкания второстепенной дороги.

Космонавт кивнул в сторону своротка:

– А это куда?

– Там маленькое село стояло, теперь пусто, мы уже проверяли, – меланхолично ответил Горик, не поворачивая головы. Иван внимательно вглядывался между деревьями, которые то плотно обступали дорогу, то отдалялись от неё:

– И много тут таких? Мы когда через горы пробирались, никаких признаков жизни не встретили. Ваш поселок был первый за две недели.

– Дальний, считай, самое северное поселение в этой округе. И самое новое, наверное. Чем дальше на юг, ближе к морю, тем больше поселков будет появляться. Я эти места хорошо знаю. Нам, главное, перед Волковкой направо уйти, там большое село, не хочется через него проезжать. Сделаем крюк и обурлим Дагомыс, в сам город соваться резона нет.

– А сколько в Дагомысе людей раньше жило?

– Местных тысяч двадцать. Ну а в сезон город раза в три распухал от туристов.

– Эпидемия разгорелась в начале лета, отдыхающих, думаю, не много еще приехало... – предположил Иван.

– Да, – согласился ветеринар, – высокий сезон не успел начаться, но народу на пляжах уже хватало. Легкой прогулки по городу не жди, зомбаков там навалом.

– Не факт, что они в городе до сих пор сидят.

Впереди на дороге прыгали четыре вороны и торопливо клевали какую-то падаль. Птицы увидели приближающийся пикап и взлетели уже перед самым бампером. Парни не заметили, что валялось на асфальте, Горик пропустил гниющий кусок мяса между колес.

– А ты тут кем раньше работал? – Воробьев поймал себя на мысли, что почти не знает парня, с которым едет на опасную вылазку. Ему было известно о Горике лишь то, что он жил в Дагомысе, а значит, идеально подходил на роль проводника.

– Ветеринаром. Крупный рогатый скот, барашки, свиньи. Ну, кошечек и собачек тоже мог подлечить при необходимости. Марина ко мне часто обращалась.

– Ну-ну, я понял.

– Марина приютами занималась для бездомных животных, вот так и познакомились. Поэтому я в Дальнем оказался, когда сваливал из города.

– А семья?

Гор почесал небритую щеку, голос его чуть дрогнул:

– Никого не осталось, все заразились.

Космонавт почувствовал, как заложило в носу, глубоко вдохнул, ощутил плотный сгусток во рту и смачно харкнул в открытое окно:

– Ветеринар? Полезная профессия, а по таким временам, так вообще на вес золота. У вас с Федором, я так понял, в планах тут целый совхоз организовать?

– Ну, не совхоз, но большую ферму мы сделаем. А как еще выживать?

Иван ничего не ответил, между деревьев мелькнул силуэт, и космонавт мгновенно уперся плечом в приклад автомата. Горик тоже заметил опасность и вдавил педаль газа. Тяжелый пикап на удивление резво ускорился, Воробьев даже вжался в кресло.

Несколько зараженных выбежали из леса и попытались преградить дорогу второй машине. Сова открыл одиночный огонь – высокий мужик с грязной черной бородой тут же завалился на бок, пуля пробила ему сердце и вышла между лопаток.

Леха вывернул руль влево объезжая второго зомби, но тот кинулся наперерез. Раздался глухой удар, тело подбросило вверх, противник врезался о лобовое стекло и перелетел через крышу. На «лобовике» тут же образовалась большая «паутинка» из растрескавшегося стекла.

– Вот сволочь, – выругался молодой казак, – ни хрена ж не видно теперь!

Остальные зомби отстали, но дальше Лехе пришлось ехать, наполовину высунувшись в окно, чтобы видеть дорогу.

Иван убедился, что друзья проскочили опасное место и повернулся к Гору:

– Зря он стрелять начал, так бы пробились, теперь вот нашумели.

Ветеринар пожал плечами:

– Чему быть, того не миновать. Не против, если я музыку тихо включу?

– Ну, как знаешь, – без энтузиазма ответил космонавт. Он постучал пальцами по панели, с интересом разглядывая дисплей:

– Тачка совсем новая. С автопилотом, наверное?

– Ага, но я его сразу отрубил. Он тупил тут сильно.

Предсказания автоэкспертов, которые уверяли, что к 2030 году половина человечества будет передвигаться на машинах с помощью автопилотов, не оправдывались. По крайней мере, в России процесс шел намного медленнее, чем в Европе, США или Японии.

Но все-таки дело не стояло на месте, Искусственный Интеллект все глубже проникал во все сферы человеческой жизни. Первыми, кто лишился работы из-за автопилотов, стали водители спецтехники на промышленных карьерах и в строительстве. Затем Искусственный Интеллект заменил большинство машинистов в поездах. Автопилот внедрили в общественный городской транспорт, появилось роботакси.

«Еще год-другой и роботы начнут нам соплю и задницу вытирать», – вспомнил ворчание отца Иван.

«Не начнут, пап, теперь уже никогда не начнут. Ну, пару тысяч лет уж точно. Мама, папа, где вы? Я доберусь, обещаю, доберусь!».

– Так, сейчас поворот будет неприметный, старая дорога лесом пойдет между гор. Ей тут только местные пользовались, никакой автопилот бы по ней не поехал, – объяснил Гор, сворачивая с трассы.

Воробьев открыл бутылку и сделал глоток холодного зеленого чая:

– А ты знаешь кого-то из рыбаков в Дагомысе? Ну, или кто туристов по морю катал? У кого катер был?

– Нет, не пересекался с такими ребятами. Но я знаю, где причал есть небольшой, место отдаленное, надеюсь, мы там рядышком сможем припарковаться. Дальше по ситуации будем действовать.

Вскоре пошла гравийная дорога. Покрышки шуршали по камням, поднимая легкую пыль, машины сбавили ход. Космонавт протянул руку и достал из пакета на заднем сиденье два яблока:

– Будешь?

– Не, спасибо. Приеду, пожую, – отказался ветеринар.

– Слушай, а что значит Дагомыс? Это с какого языка?

Горик притормозил и пикап мягко проехал через небольшую колдобину:

– Ээээ..., я когда-то читал про это. Еще в школе на уроках кубановедения нам вроде рассказывали. Короче, от черкесского или от адыгского, я точно не помню, но что-то вроде темного места или места, где плохо светит солнце. Как-то так.

– Понял, буду знать. Я в детстве часто сюда на море ездил, но в Дагомысе ни разу не был.

– Тебе бы понравилось, у нас красиво было. Хотя почему было? Красота-то куда не делась. Только люди.

Чем ближе подъезжали к побережью, тем сильнее волновался Иван. Надежда найти кого-то из родителей еще жила в нем. Воробьев швырнул огрызок в окно и принялся за второе яблоко. Ветер усилился, его порывы отзывались тревожным шелестом в кронах деревьев. Неожиданно одна из массивных веток обломилась и упала поперек дороги.

– Пффф... как-то не нравится мне этот знак, – притормаживая, проворчал Горик.

Иван дождался, пока вторая машина остановится и открыл дверь:

– Прикрывай, я разберусь.

Глава 6. Полезный человек

Борис посмотрел на часы, его должны были сменить пятнадцать минут назад, но Сорока опаздывала. Он нащупал рацию и хотел уже спросить у Федора, не стряслось ли с соседкой чего, но решил еще подождать. Дежурство прошло спокойно, кроме отъезда парней никаких событий в Дальнем за целый день не произошло. Наконец, минут через десять возле дома послышался торопливый топот.

- Боря, я иду, иду, не сердись, – голос Сороки зазвучал вперед ее появления.
- Да не сержусь, но опаздывать на смену нельзя, – хмуро ответил Робокоп.
- Стайку у курей чистила, завозилась. Пока то, да сё.

Пограничник не очень любил эту болтливую тётку, которая в прежнее время только и делала, что передавала сплетни по всему поселку. Но Борис понимал, что других людей нет, поэтому приходилось командовать и такими «бойцами».

– Вот рация, Федя в дежурь шменит. Шмотри во все глаза. Шпороки ведь глазастые, верно? Говорят, они вше блефтящее за вершту видят?

– Ну шо ты меня дразнишь? Говорят в Думе, а у нас работают. Иди уже, – с наигранной сердитостью, характерно шокая и гэкая затараторила тетка.

Борис уже направился к лестнице, как вдруг вытаращился в окно единственным глазом и схватился за ружьё. По дороге к поселку медленно шел одинокий мужичок с большим рюкзаком. Он устало передвигал походными ботинками и опирался на крепкую палку. Незнакомец был одет в длинные шорты цвета хаки и легкую серую толстовку с капюшоном. Типичный турист с первого взгляда, вот только туристов теперь не осталось.

Перед воротами изгороди бродягу уже ждал дозорный. Робокоп смотрел на чужака поверх колючей проволоки. Путник поднял руки, одной он показывал открытую ладонь, другой сжимал свой посох-дубинку:

– Здравствуйте. У вас здесь можно найти ночлег? Я не попрошайка, еда с собой есть. Просто нужна крыша над головой, не хочется в лесу спать.

– Крышу найти можно, а вы кто, куда и откуда? – пограничник настороженно, но с любопытством изучал незнакомца. Позади Бориса послышались шаги, это спешило малочисленное подкрепление в лице Федора и Льва Николаевича.

– Меня зовут Валентин, по батюшке Алексеевич. Иду из Туапсе, а куда... если честно, куда глаза глядят. Место ищу безопасное и тихое.

– Вы один? – спросил президент, чувствуя смутное доверие к скитальцу. Как-никак он сам недавно также искал подобное место.

– Да, один. Была у меня компания, но мы не очень дружески расстались. Если хотите, могу рассказать попозже.

Валентин поправил грязно-голубую бандану на вспотевшем лбу. Голос его звучал молодо, но из-за густой черной бороды сложно было определить возраст.

Мужики переглянулись. Бродяга вел себя адекватно, не шпионил, не хитрил, сам вышел на них с поднятыми руками. Можно его послать на все четыре стороны, но чем это тогда аукнется – большой вопрос.

– Ну, пойдемте, нормальным людям мы рады. Переночевать найдем где, – казак качнул головой, приглашая гостя в поселок.

Через четверть часа Валентин сидел за общим столом на кухне у Федора. Марина и Ксюша с интересом разглядывали новое лицо в их маленьком сообществе. Оксана налила мужикам по рюмке самогона. Алкоголь развязывал язык не хуже любого следователя на допросе.

– Так что там за компания, с которой вы расстались? – Лев Николаевич напомнил про незаконченную тему разговора.

Бродяга с наслаждением выпил полстакана кваса, поморщившись от легкой кислинки:

– Недели две назад это случилось. Встретил в лесу семейную пару, мужику лет под пятьдесят, а супруге его около сорока. Жили они в каком-то шалаше дырявом, который на скорую руку построили. Сказали, что сами из Лазаревского. У Ромы, мужика этого, рана на ноге загноилась, ходить не мог, помирать уже собрался. Я вспомнил про закон Гиппократ и решил с ними остаться, начал его лечить.

– А вы врач? – обрадовалась Оксана.

– Лучше, я – стоматолог! У меня дома всегда большая аптечка лежала – медицинский набор выживальщика, так сказать. Когда понял, что помощи не будет и пора валить из города, собрал рюкзак и – в путь.

– Ты один? Без семьи? – покручивая ус, поинтересовался казак.

Валентин задумался на секунду, его глаза наполнились тоской, и гость опрокинул в себя полную рюмку.

– Была семья – жена и две дочки. Старшая заразилась, когда мы еще не поняли, с чем столкнулись. Я на работу ушел, а когда вернулся, то жена встретила меня с окровавленными руками. Анечка взбесилась и напала на сестру. Ира бросилась их разнимать, а дочка ее саму чуть не загрызла. Я думаю, вы поняли, чем все это закончилось? Меня почему-то это зараза не коснулась, не знаю, за что так повезло. Или может, наоборот, это наказание, а не везение, жить нам в таком мире? А? Вы как думаете?

– Жизнь прожить – не поле перейти. Если Бог решил, что нам рано умирать, то торопить это дело не стоит, – тягуче прогудел Федор.

– Я и раньше-то в Бога не верил, а теперь и подавно, – меланхолично ответил стоматолог, – ну это дело каждого.

– Я тоже так думала, но... – Марина не закончила мысль и замолчала.

Повисла пауза, гость, чтобы сменить тему, продолжил рассказ:

– Так вот, про тех товарищей в шалаше. Короче, лечил я раненого дней десять, куча антибиотиков на него ушла. В итоге рана затянулась, он смог ходить и даже бегать. Мы вместе двинулись в путь, через пару дней нашли домик охотничий в лесу и решили в нем немножко отсидеться.

Валя рассказывал интересно, выразительно, все молча, не перебивая, ловили каждое его слово.

– Ночью по графику дежурить должна была Инга, это жену нашего раненого так звали. Я лежал, думал о прошлом, о семье, о прежних мечтах и планах, а сон никак не шел. Инга у окна сидела, тихо-тихо. Вдруг поднимается и на цыпочках к моему спальному мешку крадется. Я зажмурился, типа сплю, и даже засопел погромче, – гость обвел всех сидящих за столом интригующим взглядом.

– Секунд тридцать она стояла надо мной, я закрытыми глазами чувствовал, как она пялится на меня и молчит. В голову мысли начали лезть разные, типа вдруг она со мной хочет мужу изменить, пока тот спит? Может, я ей так понравился? Выглядела она, кстати, весьма неплохо. Следила за собой в лучшие времена.

У Федора вырвался легкий смешок. Он нетерпеливо поерзал на стуле в ожидании, чем закончится история.

– Ну и как? Изменила? – поинтересовался Лев Николаевич, его вопрос мгновенно вызвал волну смеха на кухне.

– Нет, – серьезным тоном ответил стоматолог, – слышу, пол скрипнул, Инга на пару шагов от моего спальника отошла. Я один глаз чуть-чуть приоткрыл. Ночь стояла лунная, безоблачная, комната освещалась, так что силуэты хорошо различить можно было. Слышу – Инга

с мужем шепчется! А он секунду назад храпел как пьяный трактор. Притворялся, значит! Так-так, думаю, вечер, вернее ночь, перестает быть томной. Через минуту вижу, как на меня две тени надвигаются – Рома с топором подкрадывается, а у этой паскуды нож в руках блеснул. Тут я подскочил и кааааак во весь голос гаркну: стоять, застрелю гадов!

Робокоп хрустнул пальцами в предвкушении развязки:

– Фот шфолочи!

– Ну, крикнул я им чуть по-другому, но здесь ребенок, я выражаться не буду... суть, думаю, все поняли, – Валя подмигнул Ксюше и продолжил, – короче, они остолбенели словно парализованные. Как потом выяснилось, Рома аж на месте... не к столу сказано, обоссался от страха. Он меня убивать не хотел, это Инга, гадина, его уболтала...

– А зачем? – перебила рассказчика Оксана, подкладывая в чашку соленых грибов.

Гость поднялся, подошел к своему рюкзаку и извлек из него старенький потёртый пистолет Макарова:

– Вот был их объект вожделения. Ну, и остальной мой скарб тоже. Хотели тюкнуть меня топориком, Раскольники хреновы, а барахло это себе забрать. Вот такая благодарность. Только сразу не решились, Инга мужа несколько дней «обрабатывала» на это дело.

– Хм, и чем закончилось? Убили их? – президент задумчиво постукивал пальцами по столу, упершись кулаком в щеку.

– Нет, прогнал. Не хотел руки пачкать. Но сказал, что если замечу, днем или ночью, в любом месте, то открою огонь без предупреждения. Самое смешное, что у меня в обойме всего два патрона осталось, но на этих тварей как раз хватило бы.

Борис кашлянул в кулак и поправил повязку на глазу. Он единственный, кто не пил за столом. Действие обезболивающего заканчивалось, и Робокоп полез в карман за таблетками:

– Шря. Я бы убил.

– И я тоже, – неожиданно вклинилась во взрослый разговор Ксюша.

– Так вы их больше не видели? – спросила Марина, прикусив губу.

– Нет, к счастью. Надеюсь, они никому вреда не причинили. Я в ту ночь глаз не сомкнул, боялся, как бы меня сонного не подстерегли. Дверь в домике больно хлипкая была. Я там еще три дня прожил и дальше пошел.

– А пистолет чей? – поинтересовался Федор, когда стоматолог убрал оружие обратно в карман рюкзака.

– О, это уже другая история, – оживленно ответил Валентин, возвращаясь к столу.

Пограничник тем временем вышел на крыльцо и поднес рацию ко рту:

– Прием. Сорока, как ситуация?

– Але! Все нормально, больше никого нет. Что там за человек? Что рассказывает? – из рации так и сквозило любопытством.

Борис не дождался слова «прием», соседка опять забыла это правило.

– Общаемся, ничего интересного пока. Прием.

– Он у нас останется? Людей еще встречал? Чего, говорит, вокруг делается? – тетка тараторила, засыпая Робокопа вопросами.

– Короче, смотри в оба. Чуть что подозрительное увидишь, тут же мне сообщай. По любому поводу. Прием.

Борис окончил сеанс связи, хотя Сорока хотела еще поболтать. Пограничник чувствовал смутное недоверие к этому стоматологу и решил пройтись до противоположного конца поселка. Он с трудом преодолел баррикаду из машин и спустился к реке. Всё было спокойно. Робокоп постоял пару минут и направился назад к дому Федора.

Валентин тем временем продолжал травить байки и истории из жизни. Когда Борис вернулся к столу, стоматолог как раз рассказывал про то, как обзавелся оружием:

– Я тогда еще дома прятался, не мог решиться уйти. Мы в шестиэтажке жили, на втором этаже. Я на лоджии наблюдательный пост обустроил. В те дни еще стрельба в городе слышалась, а потом всё реже, реже, реже. Чем меньше стреляли, тем больше людоедов на улице появлялось. И вот, наконец, подошла она, как я ее назвал – точка невозврата. Соппротивление прекратилось, зомби захватили город. У меня оставались запасы еды, водопровод тоже, к счастью, работал, но я решил, что пора валить. План толком не придумал, главное – подальше от города убраться. Только страшно без оружия и одному идти.

– Логично, – заметил Федор, переглянувшись с президентом.

– Но тут вижу – во дворе мент появился. Ну, зараженный, само собой, здоровых к тому моменту уже не осталось. А если и остались, они среди бела дня не разгуливали. Пригляделся, а у мента пистолет в кобуре. Ну, думаю, это шанс. Я полиция-людоеда осторожно подманил к окошку и сверху на него тумбочку сбросил. Ему хватило, шею видать сломал, тумбочка то тяжелая была. Пистолет у жмурика забрал и в ту же ночь – в дорогу. Вот с тех пор и хожу-брожу.

Пока гость рассказывал историю, казак обдумывал насчет него свои мысли: «Человек он полезный, стоматолог как-никак, если не брешет. Надо его оставлять, с врачами у нас беда, один ветеринар только на всю округу».

Как-то незаметно и очень быстро все стали общаться с Валею как со своим. Словно давно его знали и были рады, что старый приятель вернулся в поселок после долгого отсутствия. Гость умел располагать к себе. Стоматолог стряхнул крошки с черной бороды и снял бандану, обнажив гладкую лысую голову:

– Я насчет Абхазии в последнее время размышлял. Как думаете, там безопаснее, чем тут? Вроде те же горы и море, а климат мягче, зиму пережить, значит, проще.

– Все так, но Вы там чужой, не местный будете. Здесь все-таки Россия, а там у них свои порядки, хоть народ и гостеприимный, – поделилась размышлениями Оксана.

– Вот и я сомневаюсь, даже боюсь, можно сказать, – признался новый знакомый.

– Оставайтесь у нас, дом вам найдем. У нас газ, электричество есть, водопровод работает, – предложил Федор.

Стоматолог обвел присутствующих взглядом:

– Повезло вам, прям оазис. Ну, если никто не против...

Возражений не последовало, все кроме Бориса уже прониклись симпатией к гостю.

– Можно у Грека поселиться, – чуть смутившись, сказала Марина, – дом небольшой, но обжитый, в охраняемой части поселка.

Стоматолог немного насторожился:

– А кто этот Грек?

– Он погиб недавно. Жил один, дом сейчас пустой стоит. Пойдем, могу показать сразу, – не откладывая дело в долгий ящик, Федор поднялся со стула. Ему очень не хотелось отпускать доктора из поселка.

Так в Дальнем появился свой стоматолог. Маленькая община понемногу восстанавливала человеческие потери. Жизнь, не смотря на все трудности, продолжалась.

Глава 7. Начало

Ветер гонял снежную порошу по пустынным улицам маленького уральского поселка. Герман сидел на земле, прижавшись спиной к покосившемуся забору. За ночь он оцепенел от холода, но как только солнце поднялось повыше и стало пригревать, глаза зараженного приоткрылись.

Герман почувствовал, как кто-то грызет его пальцы на левой руке. Он не ощутил боли, но повернул голову, силясь разглядеть что происходит. Тощая бездомная собака приняла его тело за окоченевший труп и вцепилась зубами в руку. Зомби с трудом пошевелил плечом, но этого оказалось достаточно, чтобы отогнать пугливое животное. Пес отскочил на несколько метров и замер в ожидании. Его шкура и лапы тряслись, но во взгляде читалась надежда, что зараженный сейчас испустит последний вздох.

Однако в это утро Герман не собирался умирать. Температура его тела постепенно поднималась, по мышцам растекалось тепло. Инфицированный опёрся на одно колено, сделал большое усилие и, наконец, встал на ноги. Остатки снега свалились с его головы и спины. Собака заскулила, глядя, как её завтрак уверено «оживает», поджала хвост и бросилась наутек. Зомби инстинктивно последовал за животным, но шел так медленно, что шансов догнать пса у него не было.

Недавно Герману исполнилось тридцать семь лет. Он был чуть выше среднего роста, крепко сложен, хотя с момента заражения сильно истощал. Зомби не ел уже шесть дней и ночевал под открытым небом, каждый раз рискуя замерзнуть насмерть. «Новая звезда» упорно поддерживала жизнь в этом теле, только благодаря ей инфицированный еще дышал. Марсианский вирус, который стал частью организма человека, продолжал без устали работать над выживаемостью носителя.

Болевой порог у Германа повысился настолько, что даже потеряв ухо в драке, он почти ничего не почувствовал. «Новая звезда» научилась управлять температурой тела – резко понижала ее и вводила организм в анабиоз, чтобы экономить энергию, и наоборот, разогревала кровь, когда требовалось бежать или драться.

Зараженный уже давно упустил собаку из виду, но продолжал по инерции двигаться вперед. Потрескавшиеся кроссовки оставляли грязные следы на чистом свежем снеге. Скоро таких следов стало больше, и зомби заметил впереди несколько собратьев. Добычи в поселке почти не осталось, и многие инфицированные всё дальше разбредались по округе. Место было глухое и, в конце концов, эти людоеды замерзли в уральских лесах, окончательно выбившись из сил. Марсианский вирус делал организм человека невероятно выносливым и живучим, но не бессмертным.

Тем временем Герман свернул на узкую пустынную улицу, сегодня ему не хотелось охотиться с другими зомби. Минут через пятнадцать он оказался на самой окраине поселка и вдруг единственным ухом услышал тягучий скрип – приоткрытая калитка одного из домов слегка покачивалась на ветру.

Зараженный пошел на звук, он привык доверять своему чутью, хотя в последнее время от него стало мало толку. Герман толкнул калитку и оказался на территории участка. Во дворе стояла старая ржавая машина со спущенными колесами, зомби обошел ее вокруг, не заметив в салоне признаков жизни.

Инфицированный приблизился к домику, заглянул в окно с железной решеткой, но занавески закрывали большую часть комнаты. Между тем интуиция подсказывала, что нужно попасть внутрь. Голод кольнул внутренности словно толстой иглой, с каждым днем эта боль становилась всё сильнее.

Герман направился к входной двери, оперся на нее обеими руками, и та вдруг податливо открылась. Он запнулся о высокий порог, ввалился в тамбур и растянулся на полу. Не чувствуя боли в ушибленном колене, зараженный поднялся, сделал несколько шагов и очутился на кухне. В печи догорали остатки дров, грязная посуда горой лежала в раковине – в домике чувствовалась жизнь.

Рассохшиеся половицы скрипели при каждом шаге, Герман чувал, что здесь не один. Температура его тела повысилась, он оскалился, по заросшему подбородку потекла слюна, а в горле послышалось хриплое дыхание. Зараженный прошел кухню и оказался в зале, его взгляд скользнул по старому обветшалому мебельному гарнитуру, потрепанному дивану и пыльному плазменному экрану. Что-то блеснуло возле правой стены, заставив его резко повернуть голову. Но это всего лишь солнце отразилось в маленьком круглом зеркальце внутри птичьей клетки. Герман подошел к широкому комоду орехового цвета и понюхал клетку. Перья, пух и помет попугая устилали грязный поддон, запах птицы еще не успел улетучиться.

Вдруг за стеной раздался слабый скрип, зрачки людоеда вспыхнули злобой. Жажда охоты разгоралась в нем с каждой секундой, и только теплая кровь могла ее утолить. Зал соединялся со спальней, но зараженный не сразу разглядел дверной проем. Длинные темно-зеленые плотные шторы закрывали арку до самого пола.

Скрип повторился, на этот раз за ним последовал тяжелый еле слышный вздох. Зомби пошел на звук, уткнулся носом в ткань и раздвинул пальцами шторы. Перед ним открылась большая полутемная спальня: широкий шкаф-купе во всю стену, маленький письменный столик с лампой, две железные кровати, пара стульев на длинных тонких ножках.

Глаза каннибала не сразу приспособились к тусклому свету, который едва пробивался в комнату. Но запах живого существа здесь чувствовался особенно сильно. Постепенно очертания предметов стали четкими, и Герман увидел человека.

На кровати под толстым верблюжьим одеялом лежала седая старуха. Она укрылась почти с головой и дышала очень тихо. Женщина не заметила опасность, она спала крепко, лишь изредка со старых сморщенных губ срывался слабый болезненный стон.

Час назад хозяйка дома выпила целую горсть таблеток снотворного. Жить так больше не было сил. Ей помогла внучка, девушка семнадцати лет. Они обо всем договорились, хотя внучка долго не соглашалась на это, но бабушка убедила. Правую половину тела старухи парализовало, болезнь крепко приковала ее к постели. Смерть оставалась лишь вопросом времени.

Девушка помогла ей принять смертельную дозу снотворного, затем обняла и поцеловала на прощание. Бабушка перекрестила её дрожащей левой рукой. «Не такой уж и грех, раз правая не шевелится», – подумала старуха и прошептала:

– Дверь не закрывай, пусть открытой останется. Когда покойник в доме, двери не запирают. Ну всё. Теперь иди. С Богом. Ты сильная, справишься. Прощай!

– Прощай, я люблю тебя, очень-очень люблю! – внучка еще раз поцеловала её в морщинистый лоб, смахивая слезы со своих щек.

Старуха устало опустилась на подушки, дремота уже стала накрывать женщину, но она проследила взглядом, как внучка накинула рюкзак на плечи, остановилась на секунду в дверном проеме, в последний раз посмотрела на бабушку и ушла навсегда.

Вскоре Герман нашел старуху уже в беспамятстве, жизнь едва теплилась в её теле. Но этого было более чем достаточно для голодного людоеда. Он сорвал одеяло и набросился на добычу. Зубы зараженного впились в сморщенную дряблую кожу, и зомби ощутил опьяняющий вкус теплой крови.

Старуха уже ничего не чувствовала, через несколько мгновений её сердце перестало биться. Герман отрывал куски мяса, слизывал кровь, жевал и чавкал больше часа. Наконец, он растянулся на полу, блаженно щурясь в потолок. Из рта каннибала вырвалась громкая отрыжка. Он сложил руки на круглый тугой живот и тяжело дышал, переваривая человечину.

Прошло пару часов, и зомби вновь принялся обглаживать окоченевший труп. На этот раз он ел уже медленно, спокойно и никуда не торопясь. Герман не чувствовал голода, но внутренний голос настойчиво твердил, что надо есть – есть как можно больше.

Зараженный оторвался от мяса только когда челюсти уже едва шевелились, а живот грозился лопнуть от тяжести. Давно ему не было так хорошо, по телу пробежала сладкая нега, и зомби уснул на полу. Домик уже остыл, холод пробрался в комнату, но здесь, по крайней мере, не было снега и леденящего ветра.

Герман проснулся около трех ночи, его знобило и тошнило. Странное чувство, похожее на лихорадку, когда он заразился «Новой звездой», вновь поразило его тело. Несмотря на холод, инфицированный сильно вспотел. Кожа начала выделять какую-то липкую слизь, приступ тошноты подкатил к горлу, и из его рта полезла густая коричневая пена.

Но зомби словно ждал этого. Инстинктивно Герман стал обмазывать пеной голову и шею, затем – ноги, живот, бока и всё, до чего мог дотянуться. Затем он залез под кровать, в самый темный и дальний угол, свернулся в позе эмбриона и заснул.

Вскоре пена и слизь затвердели, став подобием некоего защитного кокона. Эта оболочка пропускала воздух и, несмотря на мороз снаружи, внутри кокона поддерживалась комфортная для выживания температура.

«Новая звезда» ввела организм носителя в анабиоз, целую неделю Герман пролежал в беспомощности. На восьмой день он открыл глаза, но ничего не смог разглядеть через серую пелену. Зараженный пошевелился. Оболочка, в которой он пребывал все это время, треснула со звуком рвущейся бумаги. Зомби выбрался из своего кокона, но это был уже не тот Герман. Всё его тело покрывали серые толстые короткие волосы, нижняя челюсть увеличилась, а кожа на лице потемнела и покрылась складками.

Существо тяжело дышало, выпуская изо рта клубы пара. Герман с трудом встал на ноги, мышцы за время сна очень ослабли. Зараженный посмотрел на останки старухи и почувствовал жгучий голод. Он вцепился зубами в посиневшую ногу, но мясо замерзло и стало твердым как дерево. Герман со всей силы стиснул челюсти, как вдруг один из его зубов сломался.

Он понял, что задубевшим на морозе мясом перекусить не удастся и посмотрел по сторонам. Через минуту, согнувшись и крадучись как вор, Герман осторожно вышел в другую комнату. Он приблизился к окошку и глубоко втянул носом воздух, рассматривая пейзаж за стеклом. На улице красными отблесками потухал закат. Поселок быстро погрузился в сумерки, а зомби, которые еще бродили в окрестности, стали засыпать на ходу. Но Герман уже достаточно спал, теперь он почувствовал, что наступает самое время для охоты.

Глава 8. Сухой

Горик вел их маленький караван окольными путями, в объезд Дагомыса и крупных поселков. Но каждую деревню не обогнешь, поэтому, через опустевшие жилые районы проскакивали быстро, на полном ходу.

– Они слабеют или мне кажется? – спросил Леха, мимоходом бросив взгляд на тощего зомби. Зараженный, облокотившись о забор, успел только повернуть голову в сторону резво промчавшихся мимо машин.

– Хрен их знает. Но канны, которые напали на ваш поселок, не были похожи на слабиков, – Макс убедился, что их никто не преследует и немного расслабился.

– Да уж. Те прям звери. Да еще такой толпой припёрлись. Изгородь сломали, своим мясом колючку прорвали, не ожидали от них такой прыти.

– Они поначалу все как лунатики бродят, а как добычу увидят – сразу оживают. Так что даже того дистрофика я бы за слабака не принимал...

Леха чуть ускорился, чтобы догнать пикап Гора с Иваном:

– Ничего, рано или поздно всё равно передохнут. У вас в Сибири зиму точно не переживут, а тут может подольше протянут. Как тебе у нас вообще?

– Да как... нормально. Самое главное что тепло. У нас уже, наверное, снег лежит. Море хочется поскорее увидеть. Купаться еще можно, как думаешь?

Леха широко зевнул, прикрывая рот кулаком:

– Я бы не стал, но тебе можно. Вы сибиряки и в проруби плаваете.

– В проруби не пробовал, меня звали, но отказался, – признался Сова, вспомнив своих школьных друзей.

Дорога стала совсем плохой, машины едва ползли, переваливаясь с кочки на кочку и осторожно преодолевая ямы. К вечеру они проехали через туннель под железнодорожными путями и остановились на каменистом пляже.

– Всё, добрались. Причал вон там, но мы пока здесь встанем, осмотримся. Место пустынное, зомбакам тут ловить особо нечего, – объяснил Гор выбор места стоянки.

– Не глуши пока тачку, – предупредил Воробьев и вылез наружу.

Под ногами захрустела галька. Космонавт поднялся на каменную насыпь с почерневшими шпалами и ржавыми рельсами. Отсюда местность отлично просматривалась. Старые волнорезы, словно щупальца, впивались в море, защищая железнодорожное полотно. Иван несколько минут разглядывал небольшой рыбацкий причал, возле которого покачивались на волнах три брошенные лодки. Никакой активности возле них не наблюдалось.

Воробьев вернулся к пикапу, и парни вчетвером направились по берегу к причалу. Шли осторожно, не спеша, тише будешь – дольше проживешь.

– Здесь и раньше кроме рыбаков мало кто тусовался, местные иногда купались только, но обычно пляж почти всегда пустой был, – словно сам себя успокаивал Горик, постоянно оглядываясь через плечо, как будто кто-то смотрел ему в спину.

Иван неловко запнулся о булыжник и тихо выругался:

– А если лодку не найдем? Куда дальше двинем?

– Ну, основной вариант – это Дагомыс. Там наверняка что-то должно быть... но соваться туда... сам понимаешь... – без энтузиазма ответил ветеринар.

Леха перешагнул через разбитую бутылку из-под вина и посмотрел на море:

– Вон там какой-то здоровый корабль дрейфует...

Горик приложил ладонь ко лбу:

– Вижу, а что толку? Во-первых, до него доплыть надо... он не близко. А во вторых нахрена нам такая громадина? Ты знаешь, сколько он топлива жрёт? Это же не электромобиль.

Над головами парней пролетела стая чаек и быстро скрылась за соснами на холме. Несколько птиц ходили по берегу и выжидали, пока из-под камней выползут крабы. Солёный морской воздух щекотал ноздри, пахло йодом и прелыми водорослями. Но ветер дул прохладный, и купаться никому не хотелось.

Одна из лодок оказалась дырявой, вторая – без двигателя, а в третьей нашли полуразложившийся труп собаки. Впрочем, выйти на ней в море все равно бы не удалось.

– Ну что, в город? Далеко отсюда твой Дагомыс? – поинтересовался Макс у Горика.

– Вечереет, скоро стемнеет. Может, утром двинем? – уклончиво ответил ветеринар.

– Канны ночью как раз сонные и плохо видят, можем прошмыгнуть.

– А если не зомбари, а люди? Которые порт под контроль могли взять? – возразил Леха, – давайте здесь в тачках заночуем, утро вечера мудренее.

Немного поразмыслив, все согласились с этим предложением. В конце концов, к такому раскладу готовились. Задачу на сегодня они выполнили – без жертв добрались до моря. Путники стали собирать дрова, чтобы развести небольшой костер в туннеле под железнодорожной насыпью.

Дары моря – это не только рыба, крабы, мидии и другая живность, но и бревна, ветки и палки, которые выбрасывают волны во время шторма. На этом пляже таких деревяшек валялось предостаточно. Высохшее на солнце дерево быстро загорелось, и вскоре вся компания уже подогревала ужин над огнем. Барану распутали ноги, дали сена и привязали к пикапу.

Как обычно случается на море, ночь наступила быстро. Стало еще холоднее, но пока никто не хотел расходиться. Парни болтали у костра, Иван с Максом рассказали историю про спасение из горящего «Монстра», затем Горик вспомнил несколько забавных случаев со своей работы. Леха ничего не рассказывал, но долго расспрашивал Воробьева о полете на Марс.

Когда речь зашла о Риче, космонавт переглянулся с Совой и не стал упоминать о той таинственной встрече на дороге. «Пусть лучше считают его погибшим. Если еще расскажу об инопланетянах, то у людей совсем крыша поедет от всей этой фигни, что вокруг творится. Как-нибудь потом», – решил про себя Иван.

Ночью дежурили по двое, обошлось без происшествий. А вот утро началось с неожиданного события.

– Смотри, кто-то плывет! – крикнул Макс, первым заметив катер.

– Сюда правит. Неужели по нашу душу? – не зная радоваться или бояться, вздохнул Гор.

– К нам едет лодка, на ходу, это уже хорошо. Леха, давай на рельсы, сверху прикрывать будешь. Горик, ты – за те камни, Макс – в туннель. Если шухер начнется, в меня постарайтесь не попасть, – Воробьев снял с предохранителя автомат и стал ждать.

Легкий небольшой катерок аккуратно выкатился на гальку. Крепкий мужик лет пятидесяти ловко спрыгнул за борт, погрузившись по щиколотки босыми ногами в воду. Два его спутника остались в лодке, космонавт заметил у них пару стареньких Калашниковых.

– Ну, привет, добрый человек, с чем пожаловал? – мужик вышел на берег и протянул здоровенную ладонь, – Сухой.

Рукопожатие оказалось крепким, Воробьев даже мысленно отметил что чересчур.

– Иван. Лодка нужна, на время, – честно ответил космонавт, представившись, – а Сухой – это прозвище или фамилия?

– Политическое кредо, – мужик обошел его вокруг, рассматривая, словно статую в музее, – Д’Артаньяна вижу, а куда три мушкетера зашухерились? Свистни им, пускай вылазят, не надо со мной в прятки играть.

Моряк говорил с легкой улыбкой, но в его тоне отчетливо слышалась весьма конкретная угроза. Сухой был среднего роста, с широким лицом, густыми седыми бакенбардами и медной кожей. Из-под легкой ветровки проглядывала тельняшка, вязаная шапочка и закатанные по колено серые штаны составляли остальной гардероб. Глядя на его жилистые руки, не хоте-

лось соревноваться с таким в армрестлинге. Вел он себя расслабленно, но в тоже время уверенно и по-хозяйски.

– А с чего Вы решили, что мушкетеров только три? – Воробьев перевел взгляд с капитана на его спутников и заметил напряженные лица в катере. Два молодых парня чуть старше Макса нервно сжимали свое оружие.

– Вчера было три, – с непоколебимой уверенностью ответил новый знакомый, – хотя мне что три, что тридцать три. Задумаете тут хулиганить, всех положим. У нас и на суше глаза, и на море. Вы еще только подъезжали, мы уже всех пересчитали.

Иван чувствовал, что мужик блефует, но доводить дело до прямого конфликта было не в их интересах. Он повернулся и сделал приятелям знак рукой, чтобы выходили.

– Ну вот, другое дело, – с довольной миной кивнул Сухой, глядя как приближаются Макс, Гор и Леха, – теперь рассказывай, Ваня, зачем вам лодка?

– До Геленджика добраться надо и обратно. Родителей найти пытаюсь.

Сухой задумчиво присвистнул, словно говоря, что дело это гиблое:

– Они там жили или отдыхали?

– Отдыхали. Я знаю точное место, гостевой дом этот проверить надо.

Моряк скрестил руки на груди, опустил голову и стал расхаживать вдоль берега:

– Ну, туда-сюда сходить на катере в целом реально. Сколько заплатишь?

– Барана отдадим, вон того в пикапе. Еще есть продукты, обувь и золото...

Сухой поморщился:

– До Геленджа путь не близкий. Горючки много уйдет. Ладно, показывай свое барахло.

Он осмотрел барана, вытащил из салона корзины с продуктами и коробку с обувью:

– О, Валера! Кажись, твой размерчик нашел. Повезло тебе, Большая Нога, забирай!

Мужик швырнул в катер модные дорогие кроссовки, те самые, которые Макс до этого снял с трупа. Космонавт достал из рукава последний козырь и протянул мешочек с золотом. Моряк долго и скрупулезно изучал ювелирные украшения, взвесил их на ладони и засунул во внутренний карман ветровки.

– По рукам? – нетерпеливо спросил Воробьев.

Сухой, словно издеваясь, пожал плечами и ухмыльнулся:

– Это всё? А оружие, патроны есть?

– Лишнего нет.

Моряк разочарованно цыкнул языком:

– Надо нам с остальными товарищами посоветаться. Горючка-то, она общая. Ясно-понятно? Передам ваше предложение и вернусь. Ждите здесь.

Вода под кормой вспенилась, и мужик со своими приятелями отчалил от берега. Их катерок быстро удалился по направлению к большому кораблю, который стоял на рейде вдали от берега.

Макс проводил лодку тоскливым взглядом:

– Нормально так. Еще не согласился, а кроссовки уже забрал. И золотишко тоже.

У Ивана тоже внутри крепло чувство, что их развели как лохов на рынке. Но космонавт молчал, прислушиваясь к затихающему шуму мотора.

– Ладно, остальное пока при нас. Этот Врунгель когда на барана посмотрел, у него аж слюнки потекли, я думаю, договоримся, – Горик единственный из всей компании сохранял оптимизм.

– Главное, чтобы нас тут как баранов не перестреляли, – Леха с опаской обернулся по сторонам, – Я прям кожей чувствую, что следят за нами.

Баран нервно заблеял и натянул веревку. Горик решил пройтись и нарвать скотине свежей травы и захватил Леху для прикрытия. Остальные остались на берегу, толкового плана «Б» у них пока не было, приходилось ждать у моря погоды.

Глава 9. Мореходы

Две пустые консервные банки догорали в костре. От жара по гладкому жестяному краю словно пробегали волны, металл шкварчал и потрескивал. Другие волны, холодные и размеренные, без усталости лизали каменистый берег, шуршали мелкой галькой и переворачивали булыжники.

По железной дороге, которая протянулась рядом с пляжем, давно уже не ходили поезда. В отличие от асфальтовых трасс, она выглядела еще не так запущенно, но сорные травы уже подбирались к ней, постепенно опутывая каменистую насыпь. Скоро здесь появятся первые молодые деревца, а лет через десять рельсы и шпалы нельзя будет разглядеть даже стоя в метре от них.

Природа быстро возвращала себе утраченные территории. Человек же сиротливо жался к осколкам цивилизации, словно продрогший путник, пытаясь согреться у гаснущего очага. Но всё что так долго, целыми веками выстраивали люди, отгораживаясь от природы, всё это рухнуло очень быстро. А тем, кто уцелел, пришлось заново учиться выживанию. При этом учиться быстро, так как времени, чтобы приспособиться к новым реалиям, было в обрез.

Человек еще находился на вершине пищевой пирамиды, но теперь его положение стало крайне шатким. Колосс на глиняных ногах – вот кем оказался недавний царь природы. Выжившие уничтожали друг друга в борьбе за бесхозные ресурсы, еще сильнее сокращая шансы человечества на сохранение своего места под солнцем.

Иван размышлял об этих и других вещах, уставившись на большой валун, о который с брызгами разбивались волны. Рано или поздно море добьется своего и расколется этот валун на несколько частей, а потом раскрошит на мелкие кусочки. Но случится это очень нескоро, когда Воробьева уже не будет на свете. Впрочем, море терпеливо, а вот терпение космонавта уже заканчивалось.

– Если этот хрен через час не приедет, снимаемся с места и двигаем в сторону Дагомыса. Там где-нибудь схоронимся и ночью пробираться в порт будем, – раздраженно поделился планами Воробьев.

Горик швырнул в море плоскую гальку, и она, отскочив от воды с дюжину раз, пошла на дно:

– Может, до утра подождем?

– Не хочу я тут ночевать, зная, что за нами следят. Он же дал понять, что его люди на суше тоже есть.

– А там, куда мы переедем, думаешь, их не будет? – ветеринар оставил камни в покое, отряхнул руки и принялся жевать яблоко.

Космонавт повернулся в сторону железнодорожной насыпи, где дежурил Леха:

– Не весь же берег он держит? Тут их корабль, вот они этот пятак спричалим и охраняют. Не думаю, чтобы у них столько людей было, чтобы большую территорию контролировать. Иначе бы нас встречали не два студента с доцентом в шапочке.

– С этим я согласен, но предлагаю до вечера подождать.

Вскоре терпение оправдалось. Через пятнадцать минут от большого корабля отделились две маленькие точки и стали постепенно увеличиваться в размерах. Иван, Гор и Макс напряженно следили за приближением лодок. Только Леха остался на рельсах для подстраховки с тыла.

Троица вернулась в том же составе, только Валера в новеньких модных «максовских» кроссовках приплыл на отдельном катере. Сухой выбрался на берег, сурово, даже грозно поглядывая на парней. Затем на его лице внезапно растянулась улыбка:

– Чего такие хмурые, как будто с запором третий день ходите? Приняли мы ваше предложение, договорились. Давайте всю вашу снесь с бараном. Грузите Валере в лодку!

– Сейчас отходим? – на всякий случай уточнил космонавт.

Сухой глянул на него, словно на глупого маленького ребенка:

– Ну, хочешь – сейчас, хочешь – через месяц. Нам без разницы, но все что вы обещали, мы сейчас заберем. А когда уж вам прокатиться захочется, выбирайте сами.

Макс свистнул Лехе, вчетвером они помогли Валере погрузить барана, закрыли машины и перебрались в катер к Сухому и второму парню. Тот представился Васяном. Через минуту лодки уже шлепали днищем по волнам, быстро отдаляясь от пляжа.

Легкая нервная дрожь побежала по коже Воробьева от мысли, что скоро он окажется в Геленджике. Он не питал иллюзий относительно счастливого воссоединения с мамой и папой, но надежда теплилась, несмотря на мизерные шансы. У родителей не было прививки от бешенства, по крайней мере, Иван этого не помнил. Больше всего космонавт боялся, что встретит их в толпе зараженных, с тусклым голодным взглядом, серой шелушащейся кожей и запекшейся кровью на губах.

Он знал, что сможет убить их, по крайней мере, настроил себя на это. Болезнь необратима, остается только один способ – избавить родителей от мучений. Он убьет быстро и похоронит по-человечески, если придется.

Вдруг катер Валеры, который шел чуть позади, отделился и направился к большому кораблю, в то время как Сухой правил на северо-запад. Прочитав мысли пассажиров, моряк объяснил, перекивая ветер:

– Валера – на базу. С нами не пойдет. Теперь инструктаж: я – капитан, Васян – мой помощник. Правило первое, оно же последнее: пока мы на воде, слушать, что мы говорим и не спорить. Кто правило нарушит – сразу за борт, без разговоров.

– Сурово, – хмыкнул под нос Макс.

Сухой поправил шапочку на макушке и чуть прищурившись, посмотрел на подростка:

– А по-другому нельзя, особенно сейчас. До берега мы вас доставим, а дальше сами, уже по своим правилам.

Лодка подпрыгивала и стучала брюхом, словно под ними была не вода, а асфальт. Горик боялся, что корпус вот-вот развалится, но Сухой сохранял невозмутимый вид. Это немного успокаивало. Леха с Максом сидели на корме, изредка обмениваясь фразами. Сова мысленно сравнивал эту посудину с их роскошной «Белухой» и немного скучал по яхте, которую пришлось бросить на берегу Каспийского моря.

Вдруг Гор резко с кряхтением перегнулся через борт. Ветеринара стошнило, но не успел он выпрямиться, как его вырвало снова. Капитан мельком равнодушно взглянул на бедолагу:

– Таблеток от морской болезни у нас нет, уж извини, братан. Придется потерпеть, скоро легче станет.

Но Горику легче не стало. Он сидел поникший, с зеленым лицом, трясущимися руками и губами, мечтая как можно скорее оказаться на берегу.

– Через сколько примерно доберемся? – спросил Воробьев, его уже немного беспокоил вид ветеринара.

– К вечеру, – уклончиво пообещал Сухой.

Иван подсел ближе к Макс с Лехой, решив пока не привлекать Горика к совещанию.

– Надо по темноте до места дойти, пока канны спят. Я в городе нормально ориентируюсь.

Леха неуверенно пожал плечами:

– Хорошо бы разведку провести. Понаблюдать сначала обстановку, может там окольными путями пробираться придется.

– Я бы тоже сначала огляделся спокойно, – согласился Макс.

Сухой, заметив переговоры, передал штурвал Васяну, а сам бесцеремонно влез в обсуждение:

– Слушай, а ты вот что скажи, этот гостевой дом, куда вам надо, он в какой вообще части города расположен?

– Улица Шевченко, номер дома не помню, но на месте разберусь. За стадионом «Спартак». Вы нас на центральном пирсе высадите, где Белая Невесточка, а дальше мы уже сами.

– Ишь ты, какой приткий, – цыкнул языком капитан, почесывая свои бакенбарды, – может, нам еще с салютом и канонадой в бухту войти, чтобы все видели? Нет, до пирса мы не пойдем, я слышал, что бухту держат толи менты, толи бандиты. И с теми и с другими мне пересекаться не хочется. Сейчас хрен редьки не слаще. Войти туда – дело нехитрое, а вот выйти...

– В смысле, а как?! – оторопел от такого расклада космонавт.

Моряк задумался на секунду, потер кончик носа и наморщил лоб:

– На толстом мысе десантируетесь.

– Где? На маяке, что ли? – нахмурился Воробьев.

– Нет, там круча сильная. Да и берег такой, что близко сложно подойти. Чуть обогнём маяк, там уже и набережная начинается, а дальше сами, ножками. Ну, или велорикшу наймите, если пожелаете, – отпустил очередную шуточку Сухой.

Космонавт уставился на мелькавшие за бортом волны. Он обдумывал слова капитана, взвешивая все за и против. Если Сухой знает, что бухту кто-то «держит», то им сталкиваться с новыми властями города тоже не следует. Мало ли чем это закончится? С другой стороны, если хозяева Геленджика организовали некую коммуну из уцелевших жителей, то в ней теоретически могли оказаться его родители.

«Сейчас надо разведать дом, где они гостевали, а уже потом действовать по обстоятельствам. От толстого мыса идти, конечно, чуть дольше, чем от центрального причала, но не критично», – Воробьев представил карту города и мысленно проложил новый маршрут.

– Ладно, давай по-твоему. Сколько еще?

Сухой посмотрел на горизонт, затем перекинулся парой слов с Васяном и объявил решение:

– Сегодня не успеем. Совсем по темноте идти опасно, маяк больше не работает. Лучше перебздеть, чем недобздеть. Пока не стемнело, остановимся в Дивноморске. А завтра утром оттуда двинемся, там уже рукой подать.

– Дивноморское? Это вроде рядом поселок? – очередное изменение в планах уже не удивило Ивана.

– Официально это – село, – поправил его капитан, – вернее было селом. Там пришвартоваться удобно даже на диком пляже. Первое правило нашего туроператора помните? Слушать и делать, что мы говорим, если хотите на место попасть. Если не нравится, сигайте в море и гребите кролем до Геленджика.

Сложно было спорить с Сухим, да и не имело особого смысла. От своих обязательств он не отказывался, хотя и перестраховывался. Ветер немного усилился. Километры волн и морской пены уже остались за кормой, до цели оставалось совсем немного. Днем раньше, днем позже, особого значения не имело. Катерок натужно гудел двигателем, и маленькое судно упорно продвигалось вперед.

– Вон там – городской пляж Дивного. Почти добрались, – хрипло гаркнул капитан.

Справа по борту от берега тянулись несколько волнорезов, которые защищали каменистый пляж и набережную от штормов. Раньше вечером здесь все светилось и переливалось огнями, а сейчас стало серым и мертвым.

– Чуть дальше – пляж «Факел», – продолжал экскурсию Сухой, – мы за него немного пройдем и причалим.

Катер стал постепенно прижиматься к берегу. Большая стая чаек пролетела над головами и скрылась из виду. Кроме птиц никаких признаков жизни разглядеть не удалось.

Сухой сбросил скорость, лодка лениво затарахтела уставшим мотором. Васян перебрался на нос, внимательно разглядывая воду, поднял руку и капитан заглушил двигатель. Волны шлепались о борт, подталкивая судно к берегу. Через пару мгновений раздался легкий скрежет днища о камни.

– Выгружаемся, – распорядился капитан, чем несказанно обрадовал Горика. Ветеринар просто светился от счастья при виде суши.

Моряк отправил «пассажиров» собирать дрова по пляжу, а сам с Васяном принялся устанавливать палатки.

– А мы не спалимся тут с огнем? – шмыгнув носом Макс, вытирая сопли и осматриваясь по сторонам.

– С Дивноморска зомбакам сюда не пройти, – уверенно ответил Васян, – там скала в море выпирает, по воде придется топать, чтобы ее обогнуть, а эти твари воду очень не любят. Нет им смысла сюда соваться. Не за крабами же бегать? Если только сверху свалятся случайно. Но тогда переломают себе всё что можно.

Иван посмотрел на тёмный утёс, который высился в двадцати метрах от них. То и дело с него скатывались мелкие камушки, как будто кто-то карабкался по потрескавшемуся слоющемуся откосу. Наверху, впиваясь длинными корнями в скалу, покачивались серые силуэты сосен. Космонавт подтащил большую корягу и бросил к костровищу:

– С зараженными, допустим, понятно. А если люди?

– А что им тут ловить? Тут ничего стратегического или ценного нет. Только если такие же бродяги как мы, – развел руками Васян, – здесь раньше легендарный нудистский пляж был. Со всей страны люди съезжались.

Макс неодобрительно посмотрел на нового знакомого:

– А ты нудист, что ли?

– Нет, но несколько раз приезжал сюда с девчонкой. Мы вообще любили отдыхать на диких пляжах с палаткой. Вот и сюда иногда заглядывали, – не особо смущаясь, ответил парень.

– А девчонка эта...? – Сова не успел продолжить вопрос, Васян ответил покачиванием головы, и всё стало ясно.

Сухой решил сменить тему и хлопнул в ладоши:

– Ну что, граждане туристы-натуралисты. Давайте распределим обязанности. Готовить буду я, так как никому из вас такое ответственное дело как ужин не доверяю. Разделим ночь на две вахты, в каждой по одному человеку от вас и от нас. Я, чур, дежурю под утро. Кто со мной?

Составить компанию капитану вызвался Иван. Первое дежурство выпало Лехе и Васяну. Макс с Гориком получили отгул и право отсыпаться всю ночь. На суше ветеринар быстро пришел в себя, но с тоской представлял обратный путь до Дагомыса.

Люди жалась поближе к костру, так как с наступлением темноты заметно похолодало. Часовые временами прогуливались метров на сто от лагеря, для успокоения совести проверяя обстановку. Но никто не пытался на них напасть, съесть, ограбить, убить или спросить закурить. Они были одни на этом забытом клочке дикого пляжа.

Очередной камень отделился с утеса, прокатился по берегу и становился в метре от людей. Сухой задумчиво бросил ветку в огонь:

– Нда, будь осколок больше, могло хватить инерции и до палатки достать. Надо бы каменный вал сделать из булыжников, хотя бы сантиметров сорок в высоту. Чтобы эти камушки на себя принимал. Берег покатый, ногами к морю придется спать, а изголовье как раз к утесу.

– Угу, не хочется, чтобы во сне черепушку пробило, – согласился Сова, и, не дожидаясь приказаний, принялся за работу.

– Ну, раз мы ночью дрыхнем, нам и строить, – Горик неспешно присоединился к Максу. Парни тихо пыхтели, укладывая здоровые булыжники. Перед палатками медленно, но верно вырастала гранитная баррикада. Человек – такое существо, что не может долго сидеть на месте и всё время что-то переделывает вокруг себя.

Леха поежился от налетевшего с моря ветерка:

– Интересно, а здесь часто оползни бывают?

– Хочется верить, что нет. Вообще эти скалы как слоеный пирог, только тронь – сразу сыпятся, – Васян бросил еще одну палку в костер, а в ответ тут же раздался громкий щелчок.

Столп искр подбросило в воздух, и Воробьев схватился за шею:

– Твою ж мать, зараза, жжет то как!

От сильного жара камни в костровище начали трескаться и стрелять в разные стороны маленькими раскаленными кусочками. Вскоре раздался второй щелчок, и уже Сухой едва успел увернуться:

– Ну всё, теперь этот фейерверк надолго, пойду-ка я спать. Вставать завтра рано будем.

Иван в это время ворчал и матерился, охлаждая ожог морской водой. Через пару минут он тоже направился в палатку. Леха с Совой не торопились, решив пока составить компанию часовым.

К полуночи ветер еще усилился, погода менялась. Шум волн чередовался с шорохом скалывающихся с утеса камней. Огромная лунная дорожка рябила по поверхности воды, освещая прибрежную полосу. От этого казалось, что море тоже мерзнет и дрожит. Вскоре тучи затянули небо и закрыли луну, море скрылось из вида. Там, где плескалась вода, осталась только огромная черная непроглядная темнота. Иван лежал в палатке, но не мог уснуть. Под шум волн ему чудилось, что рядом дышит огромное живое существо. Оно словно подкрадывалось, но не решалось напасть.

Глава 10. Лабораторные крысы

Катя с Леной бродили по коридорам бункера, с интересом изучая каждый закуток подземного убежища. Инженер Калмыков, которого они называли просто Женя, с удовольствием согласился «поработать» для девочек экскурсоводом. Он понимал, что раз люди приехали вместе с президентом, то стоит с ними подружиться. Хотя с другой стороны, это могло вызвать неодобрение Малышкиной. Калмыков чувствовал, что рано или поздно может произойти серьезное столкновение между ней и Корниловым, но пока не определился, чью сторону занять. Евгений решил по возможности как можно дольше балансировать между этими двумя лагерями, стараясь быть полезным обоим лидерам.

– А тут у вас что? – Лисицина остановилась напротив невзрачной серой двери.

– Тут мозг всего центра. Куча серверов, которые поддерживают работоспособность системы жизнеобеспечения бункера. Температура, влажность, качество воздуха и воды, энергоснабжение, контроль расхода продуктов, все анализируется и контролируется вот этими штуками.

Девушки оказались в небольшой комнате, где стояли четыре серых шкафа, внутри которых мигали десятки лампочек.

– То есть этой базой управляет искусственный интеллект? – Лена прислушивалась к тихому гудению приборов.

– Ну, интеллект – это громко сказано. Скорее просто толковый алгоритм. Интеллект умеет создавать что-то сам, а наша система лишь следит за тем, чтобы все работало так, как у нее заложено в настройках.

Катя поёжилась, в серверной было прохладно:

– И сколько тут человек могут одновременно выживать?

– Гораздо больше, чем в данный момент. Основная часть элиты захотела остаться в столице. К тому же мы потеряли много людей во время мятежа.

– Мало людям эпидемии, они все равно продолжают уничтожать друг друга, – вздохнула Лисицина, – а в Москве, наверное, самый большой бункер?

– Да, центральный. Но Лев Николаевич решил укрыться здесь... – Калмыков замолчал на полуслове. Инженер посчитал, что рассказывать историю о том, как в кремлевской лаборатории погибли жена и дочь президента, лишний раз не стоит.

– Вообще в фантастических фильмах такие бункеры, если честно, круче выглядят, – Лена улыбнулась и переглянулась с подругой.

– Да, у нас бедненько, но чистенько. Ничего лишнего, – согласился Евгений, – это такой бетонный погреб, где надо просто пересидеть трудные времена.

– Думаю, они скоро закончатся. Андрей с Машей обязательно найдут вакцину, – без тени сомнения сказала Катя.

Кузнецов и Воробьева тем временем помогали местным медикам с вакцинацией от бешенства. Новость о том, что эта прививка спасает от заражения зомби-вирусом, вызвала в убежище ликование. Однако Андрей уточнил, что это только их с Машей предположение:

– У большинства здоровых людей, с которыми мы познакомились по пути, была прививка от бешенства. Но пока мы не провели достаточного количества исследований, и поэтому не можем дать стопроцентную гарантию. На это требуется время, много времени. Однако я уверен, что вакцинация от бешенства может существенно снизить риск случайного заражения.

Запуганные жители бункера, которые еще недавно даже не мечтали о таком шансе, цеплялись за любую надежду, поэтому выстроились в очередь за прививкой без всяких приказов и распоряжений руководства.

О вакцине профессора Андрей и Маша пока упоминать не стали. Её всё равно не хватило бы на всех. А вот современного препарата от бешенства в стратегическом хранилище имелось в достатке. Перед тем как перебраться сюда, Малышкина позаботилась, чтобы местную «аптеку» укомплектовали под завязку.

Раньше курс лечения больного бешенством требовал шесть уколов в течение трех месяцев. Но в 2025 году ученым удалось создать новое лекарство «БАНВ» – биоактивную антирабическую нано-вакцину. Это средство побеждало вирус всего за две инъекции. Оно помогало вырабатывать антитела гораздо быстрее, промежуток между первым уколом и повторным составлял теперь четырнадцать дней.

Когда Маша закончила с очередным пациентом, к ней подошла миловидная девушка и застенчиво спросила:

– Я слышала, что вы говорили насчет противопоказаний. Но хочу еще раз отдельно посоветоваться. У меня примерно 8 недель, сильно большой риск на этом сроке делать прививку?

Милана провела ладонью по животу, в ее больших красивых глазах читалась грусть и тревога. Маша не знала, что во многом эта юная девушка стала причиной тех резких перемен, которые произошли в убежище. Милана была младшей дочкой генерала Горнилова. После переворота Чернов сделал ее своей наложницей, и вот теперь она носила его ребенка. Сначала Милана хотела сделать аборт, но затем решила сохранить малыша.

– Он – будущее этого мира. Я верю в то, что ребенок будет лучше, чем его отец. Дай ему шанс, не убивай его, – попросила сестра, и Милана согласилась.

Воробьева озадачено прикусила губу, рассматривая девушку:

– Если ты будешь оставаться в убежище до родов, то, думаю, вакцинация пока не потребует. Вообще раньше в случае заражения бешенством, вводили вакцину, не глядя на противопоказания. Иначе – смерть. Но у вас безопасно, вирус сюда не проникнет, а выходить из укрытия тебе в любом случае не стоит. Так что я бы пока воздержалась от уколов.

– А что делать, когда родится ребенок?

– Вот тогда и обсудим. Надеюсь, мы к тому времени создадим стопроцентное и безопасное лекарство от зомби-вируса, – Воробьева по-дружески сжала руку Миланы.

Вакцинация закончилась. Ученые, наконец, могли спокойно составить план действий.

– Да уж, я думал, что правительственная лаборатория в секретном бункере будет получше оснащена, – Кузнецов разочарованно осматривал оборудование, с которым предстояло работать.

Маша скрестила руки и села на край стола:

– Слушай, мы недавно и о таком мечтать не могли.

– А я и не мечтал обо всем этом. Я мечтал о домике у моря, о своей лодке, чтобы рыбачить в лучах заката, о том, чтобы валяться на пляже с Катей голышом. А вместо этого мы подписались сидеть в этой консервной банке непонятно сколько времени. Ты же понимаешь, что это не неделя и не месяц? Сколько нужно провести тестов, исследований? Сначала на зверьках, потом на людях, прежде чем мы будем уверены, что вакцина безопасна и работает. Если мы вообще сможем ее создать! – Андрей снял с руки перчатку и швырнул ее в стену.

Маша с трудом подавила гнев и желание вновь разразиться тирадой об ответственности за судьбу человечества. Но вдруг до нее дошло, в чем причина такого поведения коллеги. Девушка тихо подошла к нему сзади и нежно обняла за плечи.

Кузнецов даже дернулся от неожиданности, словно его ударило током. Он уже приготовился выслушивать мораль о безответственности и эгоизме, но такой поворот событий поставил парня в тупик. Маша тем временем прижалась к нему щекой и тихо прошептала на ухо:

– Я знаю, что ты волнуешься. Все смотрят на тебя и ждут чуда. Я тоже боюсь, боюсь неудачи. У нас сложная задача, но мы справимся. Вместе. Я точно это знаю. Шаг за шагом,

опыт за опытом, мы победим этот поганый вирус. Мы решим эту задачку. Ты сможешь. Мы сможем.

Андрей почувствовал, как между лопаток выступила капля пота и побежала по позвоночнику:

– Фух, я аж возбуждился. Ты блин... еще и психолог оказывается. Да, ты права, я реально боюсь облажаться. Мы же не смогли тогда в Новосибирске...

– Так у нас времени почти не было, здание обесточили..., а здесь нас никто не торопит, будем работать спокойно.

На этих словах послышался легкий стук каблуков, и в лабораторию вошла Елена Васильевна Малышкина. Ее волнистые светлые волосы были аккуратно убраны в пучок, серая деловая юбка ниже колен хорошо сочеталась с бледно-голубой кофточкой. Губы чиновницы растянулись в формальной приветливой улыбке, всем своим видом она пыталась выказать радушие, но ее маленькие колющие глазки цепким хозяйским взглядом осматривали новеньких.

– Ну, как вы тут? Обживаетесь? Все что нужно – в вашем распоряжении. Если что-то потребуется, только дайте мне знать. Может, вам все-таки нужны еще помощники? Например, Юлия Владимировна – отличный врач...

Но Андрей не дал закончить фразу и не очень деликатно перебил Малышкину:

– Я с ней разговаривал, она хирург. У нас другая специфика. Не вижу смысла ее отвлекать. Нам своей командой, если честно, будет комфортнее работать.

– Что ж, как хотите, – Елена Васильевна обидчиво поджала губы, – дело ваше, главное – результат. Кстати, а если вакцина от бешенства так отлично работает, то зачем разрабатывать другое лекарство?

– Это пока наши наблюдения, не подкрепленные опытами. Скажем так, мы предложили провести вакцинацию для подстраховки. Первые массовые лабораторные исследования в этом направлении сможем начать через две недели. После того, как сделаем всем повторные инъекции согласно схеме вакцинации, – деликатно пояснила Маша. В отличие от Андрея она вела себя более дипломатично.

– А если через 14 дней мы поймем, что вакцины от бешенства достаточно для борьбы с зомби-вирусом? – Малышкина поправила на носу прямоугольные очки. Она уже не улыбалась, а испытующе разглядывала «людей президента».

Воробьева ожидала этого вопроса:

– Даже если это так, то требуется более совершенное лекарство. Антитела от бешенства вырабатываются минимум две недели, а здоровый человек становится зомби через сутки после инфицирования. Значит, нам нужно средство, которое будет подавлять эту болезнь быстрее, чем за двадцать четыре часа.

Малышкина по привычке покачивала головой, соглашаясь с доводами собеседника. Андрей предпочитал молчать, поэтому Маша продолжила:

– Люди же не смогут вечно жить в бункере. Рано или поздно придется выбраться на поверхность. Мы не знаем, сколько вирус пробудет в атмосфере, к тому же его могут переносить животные. Сами они не заражаются, мы не видели ни одного зомби-зверя, хотя проехали половину России. Но вот переносчиками, например, собаки или лисы, как и в случае с бешенством, очень могут стать.

– Это тоже предстоит изучать, работа кропотливая, – пробурчал Кузнецов, рассматривая стерилизатор инструментов. В приборе не было ничего примечательного, но Андрей предпочитал пялиться на него, чем встречаться взглядом с Еленой Васильевной.

– Да, момент очень важный, – согласилась с коллегой Маша, – но еще важнее – вопрос с детьми. У вас есть беременная, Милана, кажется.

– Да, бедная девочка, столько всего натерпелась. Мы были дружны с ее отцом, царство ему небесное, – Малышкина подняла глаза к светящемуся потолку.

Воробьева выждала паузу, стараясь не перебивать чиновницу:

– Так вот, представьте, что она родит вне бункера, на поверхности. Даже если мы введем ей вакцину от бешенства, то иммунитет не передастся ребенку. Значит, с первых часов жизни вне организма матери он будет под угрозой. Зомби-вирус передается воздушно-капельным путем, младенец может заразиться в любой момент. Вакцина от бешенства не успеет сработать. И такой риск ждет каждого малыша. Чтобы выжить, человечеству нужно лекарство, которое будет действовать очень быстро.

Спустя четверть часа Елена Васильевна покинула лабораторию, оставив друзей наедине. Малышкиной понравилась Маша, и она уже строила планы, как перетянуть ее на свою сторону. А вот от Андрея чиновница предпочла бы избавиться, но так как его представили ведущим вирусологом, то приходилось пока с ним мириться.

– Хитрожопая тетка, сразу видно. На крысу похожа, – очень тихо пробормотал Кузнецов, когда друзья собрались тесным кружком.

– К слову, насчет крыс, скоро они нам очень пригодятся, а в лаборатории их всего две. Понадобится гораздо больше... – Воробьева нахмурила лоб, размышляя, где достать подопытных зверьков.

– Две лабораторные крысы – это мы с тобой, Маша, – саркастически заметил Андрей, – и жизнь над нами ставит опыты: выкарабкаемся мы из этой передрыги с антивирусом или поднимем лапки кверху.

Глава 11. Дина

Перочинный ножик проткнул банку тушенки, со скрежетом врезаясь в тонкий металл. Молодая девушка в камуфляжной одежде, стиснув зубы, осторожно открывала свой ужин. Мясо и жир застыли плотным комком, разогреть бы его, но Дина боялась разводить огонь. Девушка развязала мешочек с солеными сухарями и открыла литровую бутылку воды.

Она придвинула пыльное кресло поближе к окну и выглянула в щель между шторами. Сегодня её убежищем стал старый деревянный барак на окраине поселка. Вход в него был всего один, и Дина предусмотрительно заперла его изнутри.

С улицы к бараку тянулась грязная бетонная тропинка, двор уже запорошило снегом. Мимо ржавых качелей быстро пробежал пестрый тощий кот с проплешиной на боку и скрылся за покосившейся угляркой. В комнате стояла печь, но Дина опасалась, что дым из трубы выдаст её. Она знала, что поблизости могут бродить особи пострашнее зомби.

Этот барак планировали снести еще лет пятьдесят назад. Но, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное. Неподалеку уже успел вырасти здоровенный тополь, а в самом бараке – смениться несколько поколений. Жильцы, по мере сил и возможностей, поддерживали и чинили свой ветхий дом, в ожидании пока до них дойдет очередь программы переселения. Но катастрофа пришла раньше, барак опустел и словно беспомощный старец стал разваливаться на глазах.

Несмотря на мрачную, пугающую, унылую атмосферу дома, Дина понимала, что завтра у нее не будет даже такого убежища. И вместо потолка и стен с отваливающейся штукатуркой ее ждет серое небо и дикий лес. Дину сложно было назвать домашней девочкой, с рюкзаком и палаткой она успела облазить всю тайгу вокруг поселка. Но одно дело – поход, пусть даже зимний, а другое – бродяжничество с туманными перспективами на выживание.

Девушка ела медленно, когда чувство голода чуть-чуть притупилось, она решила прибереечь половину банки тушенки на завтра. С наступлением темноты стало совсем холодно. Дина легла на кровать в одежде и укрылась двумя толстыми одеялами. Теперь оставалось только прислушиваться. Скрипучая лестница и половицы выдадут любого, кто попытается проникнуть внутрь. Но кроме своего дрожащего дыхания Дина не слышала ничего.

Раньше она часто приходила в этот барак, здесь жила ее подруга, а по соседству – знакомая бабушки. Теперь у нее нет ни бабушки, ни подруги, ни парня. С парнем отношения развивались, конечно, так себе, последний год она с ним ссорилась, расставалась и снова сходилась почти каждый месяц. Но в маленьком поселке выбор мужиков был скудный: одни бухали, вторые наркоманили, третьи сидели на тотализаторе. По сравнению с большинством, её Генка числился чуть ли не первым парнем на деревне, и Дина знала, что другие девки ей завидовали.

Но когда болезнь пришла в поселок, Генку загрызли ночью собственные братья. Лучшая подруга Лидка заразилась, ее тело сожгли и закопали. Тогда еще поддерживалась хоть какая-то самооборона, люди верили, что не все потеряно. Но с каждым днем становилось только хуже. По новостям твердили одно и то же: оставайтесь дома, соблюдайте социальную дистанцию, работы по созданию лекарства ведутся полным ходом. А потом все как-то резко затихло. Не создали, не успели, а может, и создали, но не для всех. До их дыры явно никому не было дела. Теперь каждый сам за себя.

Сегодня Дина потеряла бабушку – последнего близкого человека. Парализованная старуха пережила многих здоровых людей, и могла протянуть еще долго, если бы не эпидемия. Когда стало совсем туго, бабушка сама попросила дать ей смертельную дозу снотворного:

– Ничего, не плачь, Бог простит. Мне все равно помирать, а если ты со мной еще пару дней провашкаешься, то и сама пропадешь. Могилу не копай, земля уже стылая, не трать силы и время. Господь сам меня приберет. И не жди последнего вздоха у кровати, уходи быстрее

пока морозы не окрепли. Беги туда, где жизнь есть, до Свердловска доберись. Там город большой, кто-нибудь да уцелел. Прибежешь к хорошим людям, послушной будь и скромной, Бог тебя защитит.

Бабушка по советской привычке называла Екатеринбург Свердловском, но Дине не хотелось в большой город. Где много людей – там много зомби. Однако и другого внятного плана она еще не придумала.

Девушка закрыла глаза и вспомнила последние минуты в родном доме: комнату бабушки, ее тяжелое дыхание, морщинистые худые руки... пустую коробку снотворного на комод. Дина убеждала себя, что это было самым гуманным решением, бабуля сама об этом долго просила. До последнего момента внучка не соглашалась на такой шаг, но этим утром... она сдалась.

Дина спала тревожно, снилась бабушка, снился Генка, снились родители, которых она потеряла десять лет назад. Зато утром она встала с твердой уверенностью в том, куда хочет идти. Как-то летом папа и мама взяли маленькую Дину в отпуск к тетке в Самару. Тетю она уже почти не помнила, а вот впечатления о солнечном городе до сих пор теплились в её памяти.

«В самой Самаре сейчас, конечно, делать нечего, надо добраться до поселка рядом с городом. Главное, чтобы он стоял на реке, тогда проще будет прокормиться», – такую цель поставила себе девушка.

Оставалось только как-то пройти примерно пятьсот километров от южного Предуралья до берегов Волги. И это если по прямой: через леса, степи, озера и болота, а самое страшное – мимо городов с толпами безжалостных людоедов.

Дина вылезла из-под одеяла и подошла к окошку. Утром потеплело, и первый снежок уже почти растаял, превратившись в противную слякоть. От этого и без того грязный двор стал унылым до отвращения. Девушка достала из рюкзака зубной гель, щетку и фонарик. Апокалипсис апокалипсисом, а отказываться от маленьких радостей угасающей цивилизации в виде банальной гигиены пока еще не хотелось.

По проекту в бараке стоял один общий санузел на каждые три квартиры. Нередко в него выстраивалась длинная очередь из жильцов. Но это осталось в прошлом, сегодня никто не мешал Дине заниматься утренним туалетом. Над ванной висел большой черный пластиковый бак, в который подавалась вода по шлангу. Девушка повернула вентиль и из крана потекла тоненькая струйка.

– «Не успели еще трубы перемерзнуть, повезло», – Дина посмотрела на грязное замусоленное зеркало. В нем отражалось миловидное личико с чуть раскосыми глазами. Слегка оттопыренные уши прятались за темными прямыми волосами. Под левым глазом виднелся небольшой горизонтальный шрам – память о бесшабашных детских приключениях. Отец Дины был лесным башкиром, а мама – русской, родом с Поволжья. Внешностью девушка больше пошла в отца, а вот мягким добрым характером в мать.

Умывшись студеной водой, Дина приступила к завтраку, который мало чем отличался от ужина. Она доела тушенку с сухарями, а на десерт решила порадовать себя лимонными карамельками. Затем провела ревизию на местных кухнях и нашла бучарду – железный молоток, которым отбивали мясо перед жаркой. Он пополнил ее небогатый арсенал оружия, состоявший из двух длинных острых ножей. Стрелять Дина не умела и очень жалела, что не научилась. Она понимала, что рассчитывать стоит только на свою скрытность и осторожность.

Девушка еще раз посмотрела в окно и тихо прошептала ругательство. Двое зомби пересекали двор. Худой мужик лет под пятьдесят в одних трусах и порванной майке едва шевелил тощими и синими от холода ногами. Рядом брела его пухлая спутница – перепачканная с ног до головы дама. По виду она только что вывалилась в самой грязной луже поселка. Женщина держалась чуть впереди и принюхивалась словно собака. Одетая зараженная была теплее своего компаньона, спереди на синих джинсах виднелась большая подпалина, низ розовой шерстяной кофточки тоже обгорел.

Инфицированные остановились напротив качелей, под которыми еще секунду назад прыгала стайка молодых воробьев. Пугливые птицы быстро перепорхнули на ветки тополя, и зараженные принялись изучать территорию.

Дина ждала, когда голодная парочка свалит подальше от барака. Выйти незамеченной вряд ли получится, а бежать до самого леса с людоедами на хвосте не хочется. Дом стоял на окраине поселка, сразу за ним тянулся большой пустырь, а после начинались первые заросли, постепенно перетекающие в густую дремучую чащу.

Поселок, в котором выросла Дина, назывался Междугорский, но бабушка чаще называла его «срака мира». Вот из этой сраки предстояло сегодня выбраться, и желательно без ненужных приключений. Девушка подбадривала себя уверенностью, что минимум неделю в лесу она точно протянет, если резко не ударят сильные морозы под тридцатник. В рюкзаке лежал теплый зимний спальник, хорошая прочная палатка, которая выдержала уже не один ливень, комплект сменной одежды, обуви, аптечка, охотничьи спички, огниво и запас еды. Все, что она смогла найти и унести полезного из дома, можно считать, ее наследство.

Дина часто ходила в походы с приятелями и даже одна. Умела ориентироваться по солнцу, знала, что можно есть в лесу, а что нельзя, как обеззараживать воду. Но от мысли о предстоящем испытании у нее все сжималось внутри.

– «Эх, если бы рядом был Генка», – вспомнив о парне, девушка зашмыгала носом и быстро вытерла рукавом влажные глаза. Сейчас она бы расцеловала вечно небритую, хмурую, но такую родную рожу Генки, которого никто не видел без сигареты с двенадцати лет.

Наконец, зомби покинули двор и направились к руинам соседнего барака. Тот загорелся два дня назад, и после того, как крыша и часть стен обвалились, продолжал чадить едким черным дымом. Не теряя времени, Дина накинула рюкзак, спустилась по лестнице и выглянула на улицу. Она быстро оббежала дом, пересекла пустырь и, углубившись в лес, снова почувствовала себя в безопасности. Теперь она в своей стихии! Под ногами хрустела хвоя вперемешку с листвой, впереди лежал горный перевал, а за ним начиналась настоящая дикая природа.

Бабушка рассказывала, что когда поселок только построили, то медведи, бывало, заглядывали к ним чуть ли не в окна. Но постепенно бурых и серых хищников перестреляли, и теперь звери обходили это место стороной. Лишь совсем оголодавшие шатуны забредали в Междугорский, где быстро находили свою смерть. А вот теперь Дине предстояло шагнуть на их территорию. Одной и без нормального оружия. Немного успокаивало лишь то, что лето выдалось теплым, и косялапы должны были нагулять достаточно жира, чтобы лишний раз не связываться с человеком. Но вот на волков и рысей это не распространялось, добрее к осени они не становились.

Девушка нашла удобную тропу и зашагала размеренным шагом. Как бы ни хотелось скорее убраться подальше от поселка, но нестись сломя голову тоже нельзя. Нужно распределить силы на весь день. Дина никогда не любила ходить быстро, она частенько отставала во время длинных переходов от основной группы, но зато могла топтать до самого вечера, когда остальные уже валились с ног.

Девушка помнила, что впереди будет Барсучья хата —деревянный домик, где мог остановиться любой турист, охотник, рыбак, грибник или бродяга. Лет пятнадцать назад его построил глава поселка Барсуков, в честь него так и назвали место. Сам Барсуков давно умер, но люди старались поддерживать дом в порядке: конопатили щели, меняли прогнивший доски, чинили мелкие поломки по мере надобности. Пару лет назад несколько энтузиастов даже построили рядом небольшую баню.

Дина старалась не поддаваться соблазну переночевать в Барсучьей хате. По её расчетам она доберется туда часов через семь, а пройти сегодня планировала гораздо больше. Каждый час она устраивала пятиминутный привал, сверяясь с компасом, перед тем как возобновить маршрут. В этот раз рюкзак весил намного больше, чем обычно, его лямки больно врезались

в ее худенькие плечи. Но Дина не жаловалась. Скоро он станет легче, главное – чтобы хватило еды на весь маршрут. Девушка с наслаждением вдыхала аромат прелой листвы, сырой земли и свежего горного ветра. Для неё никакие «Диор» с «Живанши» и рядом не стояли с этими запахами свободы.

Очередная передышка закончилась, пора снова топтать. Но не успела Дина сделать и десять шагов как услышала впереди громкий хруст ветки. Кто там: зверь, человек или зомби? Девушка сомневалась, к какой категории отнести зараженных. Человеческого в них осталось мало, но и до животных было еще далеко. Звери умнее, хитрее, осторожнее. А зомбаки просто биомусор какой-то.

Дина затаилась, прошло пару минут, и ответ появился сам собой в виде шатающегося силуэта старика. Инфицированный хрипел и кашлял, куцая острая бороденка слиплась от крови и слюней. Девушка узнала Данилыча, местного старожила и заядлого грибника. Старику тяжело давался каждый шаг, он трясся всем телом, и вообще, казалось, дышал вопреки всякой логике. Такой противник не вызвал беспокойства у Дины, но и убивать его не хотелось. Она помнила Данилыча добрым дедушкой и рука не поднималась его прикончить, хотя следовало бы просто из жалости. Но тут позади старика показался высокий широкоплечий мужик в джинсовом комбинезоне.

«Вот это уже проблема посерьезнее», – девушка быстро спряталась за широким стволом сосны. Тратить силы и рисковать в драке не хотелось, она просто ждала пока зомби пройдут мимо. Дина подняла старую шишку и швырнула ее в сторону. Та с шуршанием прокатилась по земле и противники это заметили. План сработал, зомби отклонились в сторону, и девушка незаметно прошла мимо них.

Но метров через пятьдесят она наткнулась на новую группу людоедов. Зараженные шли шагах в десяти друг от друга, и один из них заметил добычу до того, как она успела спрятаться. Дина насчитала восемь или девять особей, но понимала, что поблизости могут скрываться гораздо больше. Когда в поселке стало совсем нечего жрать, зомби начали разбредаться по окрестным лесам. Многие уже окочурились, но далеко не все.

Перед тем как оставить родной дом, Дина подолгу наблюдала с чердака за инфицированными. Она отметила, что ходили они медленно, но как только замечали жертву, сразу активизировались. Девушка нередко видела, как зараженные весьма резво гонялись за людьми, собаками или кошками. Первые одна-две минуты самые важные, за это время надо оторваться от зомбаков как можно дальше, пока они еще «холодные». Вот только с таким тяжеленным рюкзаком особо не побегаешь.

Людоеды приближались. Дина сместилась с тропы, перескочила через трухлявое поваленное дерево и рванула так быстро, как только могла. Она надеялась проскочить между зараженными, пока те не сомкнули ряды. Десять метров, пять, три, еще чуть-чуть, главное не запнуться и не потерять равновесие. Тогда – точно смерть, без шансов, а планы сегодня были другие.

Девушка поняла, что пробежать между противниками не удастся. Ближайший зомби с голодным ревом кинулся на неё, Дина прыгнула в сторону с тем расчетом, чтобы между ними оказалось дерево. На мгновение людоед потерял человека из вида, и тут же на него обрушилась бучарда. Молоток для отбивки мяса легко проломил висок, и колени зараженного подкосились. Времени добить зомбака не оставалось, Дина ринулась вперед со скоростью молодой лосихи удирающей от волков. Она ломала ветки и продиралась сквозь кусты, не разбирая дороги. Каждая минута такой бешеной гонки казалась ей пыткой. Когда, наконец, она остановилась, то чуть не потеряла сознание от усталости. В горле пересохло и больно першило, а в груди словно застряла горсть иголок.

Но главное – она оторвалась, враги остались позади. Дина надеялась, что зараженные потеряют её след и бросят преследование.

«Вперед-вперед! Надо двигаться, опасность еще не миновала!», – стиснув зубы, девушка сделала над собой громадное усилие и перешла на быстрый шаг. Поясница ныла, плечи онемели, ноги дрожали, рюкзак за эти минуты как будто потяжелел еще в два раза.

Впереди лежал длинный вытянутый овраг. Обходить его было долго, пришлось лезть вниз. Но когда она из него выбралась, то вновь увидела силуэт человека. На этот раз перед Диной стоял не зомби, а кое-кто похуже. Незнакомец навел на неё ружьё и приказал лечь на землю.

Глава 12. Потухший Факел

Ивана разбудили в самый неподходящий момент – во время медленной фазы сна. Первые минуты Воробьев чувствовал себя восставшим из мертвых, и ему снова хотелось вернуться в свою теплую могилу, вернее, в спальник. Космонавт привык просыпаться посреди ночи, чтобы принять смену, но сегодня подъем дался почему-то особенно тяжело.

«Походу переизбыток свежего морского воздуха», – решил про себя Иван, с трудом выбираясь из палатки.

Сухой уже сидел на берегу, как ни в чем не бывало потягивая горячий чаек из кружки. Маленький костерок потрескивал в ямке неподалеку.

– Ну ты храпееееееет! Хорошо мы на отшибе! И то я уже начал бояться, что зомбаки на центральном пляже услышат.

– Море все заглушает, – вяло ответил Воробьев, обтирая лицо холодной водой.

– Придумал план?

Космонавт наклонил котелок и плеснул себе крепкого черного чая:

– Придумал. Еще перед сном придумал. Вечером, когда смеркаться начнет, в город пойдем. В темноте зомбаки, по крайней мере, заторможенные, видят хреново, полегче будет проскочить.

– А не заплутаешь ночью?

– Сейчас половинолуние. Если небо не затянет, то света достаточно будет. Я в том районе нормально ориентируюсь и на ощупь найду.

– Чего половина...? – Сухой нахмурил лоб и дернул волосок на бакенбардах.

– Половинолуние. Да это я так называю, когда на небе пол луны, как сейчас.

– Потешно, надо запомнить. Ладно, пойду отолюю, а то пока тебя ждал, две кружки чая уже выпил, – Сухой с кряхтением поднялся и, шурша ногами по булыжникам, направился к утесу.

Иван тем временем мысленно прокручивал детали предстоящей вылазки. Вспоминал расположение улиц и домов, возможные пути обхода и отступления. А то, что отступить придется, расклад был очень вероятный.

Солнце медленно выползло где-то за утесом. Воробьев решил пока не будить пацанов, все равно отчаливать ближе к вечеру. От мысли, что сегодня он сможет увидеть родителей, даже в глазах защипало. Иван понимал, как важно сохранять холодную голову. Нельзя тупить, с ним идут на риск другие люди, и нельзя их подставлять.

От костра потянуло вкусным ароматом завтрака. Капитан деловито кашеварил, снимая пробу и добавляя соль в котелок. Горик уже проснулся и бродил по берегу, собирая сухие дрова. Вскоре из палатки показалась голова Макса, за ним вылез Леха. Последним к общей компании присоединился разоспавшийся Васян.

– Скучно так до вечера сидеть. Может пройтись, окрестности разведать? Вдруг что полезного найдем? – Сова посмотрел на друзей и почувствовал на себе неодобрительный взгляд Сухого.

– Здесь так-то ничего особенного, – пожал плечами Васян, – поселок как поселок, частный сектор в основном. Главная достопримечательность – это газпромовский санаторий «Факел». Он тут прям рядом.

Капитан поправил на голове шапочку и кашлянул в кулак:

– Ты на лечебный массаж туда захотел сходить? А может иглотерапию попробовать?

– Если это санаторий, то вдруг какие-то лекарства найти удастся? Нам бы пригодилось, сам знаешь... – Васян посмотрел на старшего товарища.

– Ага! Там аж целая аптека для тебя открыта! Все разбомбили уже местные давно! Вернемся в Дагомыс, подготовимся нормально и помародёрим спокойно.

Сухой предельно четко обозначил свою позицию, но Васян все равно продолжал излагать новые доводы:

– В Дагомысе тоже почти все растащили. Лазаревские остальное к рукам прибирают. А этот «Факел» на отшибе стоит. Народу тут мало жило, может, до него не успели добраться?

– Может успели, а может не успели? Ты на своей шкуре это проверить хочешь?! Забыл, что тебя на корабле ждут, и за кого ты ответственность несешь?

Парень ничего не ответил, почесал щетину и сплюнул в сторону. Между тем Леха ополоснул свою чашку, убрал её в рюкзак и взял автомат:

– А я бы сходил. Нам тоже свою аптечку надо пополнить. Не все время на запасы през... – парень осекся, едва не сболтнув лишнего, – короче, нам тоже лекарства пригодятся. Гор, ты как?

Ветеринар уклончиво отвел взгляд:

– Не знаю, место незнакомое. Не факт, что оно того стоит.

– Понятно, очкуешь короче.

– Я пойду, – вызвался Макс, – Вань, что скажешь?

– Можно, если осторожно, – с одной стороны Воробьеву не хотелось рисковать, с другой он понимал, что ценные ресурсы просто так в руки не упадут. Корнилов может на какое-то время обеспечить медикаментами Дальний из своего бункера, а вот их ватаге лучше полагаться на свои силы.

Васян приободрился, чувствуя, что большинство готово рискнуть:

– Нас четверо получается? Нормальная бригада для вылазки. Сухой, мы же на рожон не полезем, ни с кем воевать не собираемся. Посмотрим что да как, если что, назад свалим.

– Угу, если дадут свалить назад. Вам не по десять лет, своей башкой думайте. Я своё слово сказал, – прокряхтел капитан и натянул шапку на уши.

Вскоре Макс, Иван, Леха и Васян топали по булыжникам в направлении пляжа «Факел». В одном месте скала врезалась в море, пришлось полностью раздеться и обходить по пояс в воде.

– Вот и мы теперь нудисты, – фыркнул Сова, когда очередная волна окатила его по грудь.

– Четыре мужика нудиста вместе, это наталкивает на не толерантные мысли, – заржал Леха, выбираясь на берег.

– Не бойся, мы твоим не расскажем. Зато в сухой одежде пойдём. Нас как-то канны в шмотках загнали в озеро, целый день там проторчали. Только ближе к ночи выбрались, когда зомбаки подслеповатыми стали. Хорошо в тот день тепло было, и у нас в тачке сменная одежда осталась, – сейчас эта история казалась Ивану даже забавной, а тогда хотелось прибить часовых.

Вскоре появились признаки цивилизации: волнорез, крыша летнего кафе на пляже и лестница, ведущая к небольшому бетонному зданию.

– Считай, добрались! Сейчас поднимемся, и почти сразу будет вход на территорию. Вначале что-то типа парка идет, сами корпуса санатория выше стоят.

Парни пересекли небольшую парковку и остановились около высоких решетчатых ворот. Через них удобно просматривалась заброшенная территория, окна на здании охраны покрылись пылью. Никто не попытался их остановить, а перемахнуть через забор было делом одной минуты.

Сами корпуса находились выше на холме, пробирались к ним медленно и осторожно, прячась за парковыми деревьями и кустами. Не стриженная трава порой доходила по пояс, так что укрытий тут было в изобилии. Все постепенно приходило в запустение. Парни миновали обшарпанный летний театр под открытым небом и остановились. Впереди маячили несколько

округлых зданий с коричневыми крышами. Трех, четырех и пятиэтажные корпуса были разбросаны на обширной территории комплекса.

– Надо медчасть найти. Где здесь лечебница? – сосредоточено озираясь, спросил Иван.

– Я думаю там, – Васян ткнул пальцем в сторону компактного современного здания, которое резко контрастировало с архитектурой советской постройки.

Он вышел на дорожку, сделал несколько шагов, как вдруг прогремела автоматная очередь. Метрах в десяти перед Васяном пули выбили искры из тротуарной плитки. Следующий залп ударил в то место, где он стоял секундой ранее. Парень успел отпрыгнуть в сторону, перелезть через кусты и уползти под защиту деревьев.

– Тут нам только пулетерапия светит, отходим! – Воробьев не поднимая головы, попятился назад.

– Вон с той крыши стреляют, – Макс разглядел противника на одном из корпусов, – не подобраться!

Стрелок тем временем выпустил еще несколько очередей в тот сектор, где скрылся Васян. Одна из пуль подняла фонтанчик земли и зарылась в газон в трех шагах от головы Лехи.

Под прикрытием растительности приятели сумели отступить без потерь и кинулись назад в лагерь. У выпирающей скалы с надписью «оставь одежду всяк сюда входящий», они остановились, чтобы отдышаться и организовали засаду. Отсюда берег хорошо простреливался на сотню метров. Прошло пять минут, затем десять, но никто не появлялся.

– Не пойдут они за нами, поугадали просто, чтобы на их территорию не лезли, – Леха пытался успокоить дыхание, панику он словил нешуточную.

Иван приподнялся из-за каменистой насыпи:

– Всё, валим к лодке.

Когда приятели добрались до места, от лагеря уже ничего не осталось. Костер потух, палатки исчезли. Горик сидел в катере, а Сухой дожидался остальных на берегу. Заметив незадачливых сталкеров, моряк тут же завел двигатель. Без лишних разговоров они быстро отошли от пляжа, и только в открытом море капитан с ухмылкой оглядел парней:

– Ну что, разведчики? Чую, кроме дерьма в штанах, вы других трофеев не принесли...

– Да там отморозки какие-то засели. Без предупреждения шмалять начали, – попытался оправдаться Васян.

– Почему отморозки? Вполне адекватные по нынешним временам люди. И я бы таких хмырей как вы перестрелял, если бы ко мне домой без приглашения полезли.

Остальные ничего не отвечали, понимая, что Сухой прав и могло закончиться все гораздо хуже. Остаток дня провели на воде, а к вечеру катер не спеша направился в сторону пункта назначения.

Глава 13. Геленджик

Катер плавно, на самом малом ходу приближался к Геленджику. Экипаж обошел маяк на Толстом мысе, и когда берег стал не таким отвесным, Сухой осторожно приблизился к дикому каменистому пляжу.

– Всё, дальше сами. Ждем вас, как договаривались до завтрашнего вечера, через сутки уходим.

– Спасибо, постараемся успеть, – Воробьев махнул капитану и осторожно полез по склону. Горик, Леха и Макс двигались следом, все время озираясь. Давно им не приходилось гулять в таком большом городе. После передраги в Дивноморском, парни уже не надеялись на безопасную вылазку по Геленджику. Но Ивана радовало, что никто из его новых знакомых не струсил, по крайней мере, не показывал вида.

Небольшой подъем преодолели быстро. Набережную до этой окраины не достроили, лишь узкая тропинка для пешеходов и велосипедистов тянулась вдоль берега. Следом за ней начинался небольшой участок со старыми соснами – тенистый зеленый уголок для тех, кто не любил валяться на пляже.

– Понаблюдаем, что тут и как, – космонавт сел на склоне, укрывшись за разросшейся высокой травой.

Они не верили тишине, которая пыталась обмануть их беззаботным пением птиц и убаюкать шорохом ветвей. Где-то там, в городе, таилась опасность – толпы голодных зомби или озлобленных людей, от которых не знаешь чего ожидать. Но им придется туда идти.

Солнце сегодня садилось за тучу, подкрашивая небо над морем красивыми оранжевыми лучами. Небольшие зеленые горы с северной стороны бухты принимали серый вечерний оттенок. Некому больше было зажигать лазерную проекцию слова «Геленджик» на склоне Маркотхского хребта. Когда-то на этом месте название города выложили из камня, а еще ранее тут была фраза «Ленин с нами». Но Ленина уже закопали, а каменные буквы заменили современными технологиями. И вот теперь всё это погружалось в темную бездну постапокалипсиса, в которой исчезали все маленькие и большие достижения человечества.

– По самой темноте пойдём? – Макс достал из рюкзака глушитель и прикрутил к пистолету.

Во время визита в правительственный бункер парни смогли разжиться новым оружием. Каждому выдали по ПЛ-22 – последней модификации пистолета Лебедева с лазерным целеуказателем и фонариком на подствольной рамке. Он начал массово поступать на вооружение только в 2027 году и считался одним из самых совершенных пистолетов в мире.

Иван получил тактический глушитель на свой автомат АК-12. Не зря говорится, что счастье любит тишину. Обрезы охотничьих ружей, с которыми они начинали путь из Новосибирска, отправились на пенсию и теперь бережно хранились дома в Дальнем. Космонавт посмотрел на часы, затем на закат:

– Минут через сорок выдвигаемся.

– На крышу бы залезть, сверху осмотреться, – Леха уставился на ближайший отель, оценивая, как в него проникнуть.

– Опасно. Вдруг на этой крыше такие же бойцы, как на «Факеле» сидят? Пока на чужую землю лезть не будем, только в крайнем случае. Улицы и дороги, надеюсь, тут за нейтральную территорию считают, – Воробьев снял кроссовки и вытряхнул мелкие камешки.

Ни одного зомби или человека поблизости не появилось. Это внушало легкий оптимизм, но все предпочитали оставаться живыми пессимистами, чем мертвыми оптимистами. Темнота быстро опускалась на город.

– Я – первый, за мной – Макс и Горик. Леха, прикрываешь тыл. Если замес начнется, то рассредоточиваемся, чтобы друг друга не перестрелять. Фонарики пока не включаем, – космонавт на правах старшего и самого опытного раздавал указания.

Парни шли медленно, часто останавливались около каждого подозрительного закоулка. На перекрестке рядом с огромным жилым комплексом «Акватория» они услышали шум. Горик уставился в тепловизионный бинокль, еще один «подарок» Корнилова из закров Родины.

– Сто процентов зомбаки, нормальные люди посреди улицы ночью торчать не будут, – доложил ветеринар и протянул прибор Воробьеву.

Несколько зараженных стояли, облокотившись на забор и деревья, многие лежали или сидели, скрючившись в самых замысловатых позах.

– Они, походу, храпят, я даже отсюда слышу, – прошептал Леха.

– До Ваньки им все равно далеко, он у нас громче всех храпит, – Сова беззвучно засмеялся и тут же получил легкий тычок в печень. Воробьев пересчитал противников:

– Около тридцати каннов. Нахрен их, себе дороже связываться, давайте обойдем.

Приятеля несколько раз натыкались на такие «лежбища» зомби, которые дремали на улицах вымершего города. Парни мысленно радовались, что решили идти ночью. В светлое время суток пробираться по узким дорогам Геленджика было бы куда труднее.

Луна вновь спряталась за облаком, теперь люди могли разглядеть лишь несколько метров перед собой. Скорость передвижения упала до среднего темпа черепашьего забега. Наконец, они обошли стадион «Спартак», пересекли еще один перекресток и свернули на улицу Шевченко. В итоге путь, который раньше занимал минут двадцать, растянулся почти на полтора часа. Впрочем, пока время их не поджимало.

Старые сосны на обочинах дороги слегка покачивали ветвями от ночного бриза. Космонавт осмотрел территорию в тепловизор и не заметил ничего подозрительного:

– Туда. Почти дошли.

Через несколько минут они остановились у бетонного забора мини-отеля. Здесь родители Ивана почти каждый год гостили у своих старинных друзей. Теперь за оградой чернел лишь обуглившийся остов здания. Крыша обвалилась, стекла полопались от огня, пожар перекинулся дальше и затронул еще несколько домов. Воробьев коснулся калитки:

– Так, мы с Максом во двор, а вы рассредоточьтесь и прикрывайте нас с улицы.

Четверть часа они изучали развалины пожарища в поисках костей или других человеческих останков, но ничего не обнаружили.

– Дом мог загореться пустым. Возможно, они были где-то в безопасном месте в это время, – попытался приободрить друга Сова.

– Безопасных мест тут нет, ты сам знаешь.

Иван не хотел вот так безрезультатно возвращаться назад, но и где искать родителей он тоже не знал. Космонавт посмотрел по сторонам и тяжело выдохнул:

– Идите назад к катеру, уговорите Сухого подождать до следующей ночи. Я день тут пробуду, попробую найти их. Может они сейчас спят среди тех каннов в соседнем квартале? Я не хочу, чтобы они вот так вот бродили. Понимаешь? Если увижу, то закончу их мучения, а ночью доберусь до берега. Это новый план.

– План нормальный, только я с тобой останусь, по-любому. Нельзя без подстраховки, пусть...

Макс не успел договорить. Раздался чуть слышный шорох, затем крик Горика и беспорядочная автоматная очередь.

– Ааааа, тваааарь... аааааааааа!

Иван с Максом перемахнули через забор и обнаружили ветеринара на асфальте в крови без сознания. Леха стоял рядом, задрал голову, и вертелся в разные стороны, кого-то высматривая.

– Что за херня?! – Воробьев присел, чтобы осмотреть Горика. Из щеки ветеринара хлестала кровь, одежда на плече и спине была разорвана.

– Эта тварь хрен знает откуда взялась! Я за тем участком наблюдал, Гор – за другим. Он вдруг как заорет! Я повернулся, а на нем эта зверюга сидит. Потом она на дерево прыгнула, затем на дом залезла и пропала, – перепуганный Леха заикался и сбивчиво объяснял, что произошло.

– Какая тварь?! Как выглядела?! – Макс переводил лазерный прицел пистолета с деревьев на крышу и обратно.

– Темно было, ни хрена не понятно. Большая, но гибкая и быстрая. Горика завалила, они на земле боролись. Я боялся сразу стрелять, мог его зацепить.

– А кто стрелял тогда? – Иван уже достал аптечку из рюкзака и перематывал раненому голову.

– Горик и стрелял! С перепугу, в воздух палил, пока автомат не выронил. Она, видать, сзади, со спины напала, – Леха стоял бледный как вампир, словно кровь вытекла из него, а не из ветеринара.

– Пантера, что ли? Или рысь?! – допытывался Макс, чувствуя, как резко захотелось в туалет.

– Да какая тут, нахрен, рысь! Как человек, но волосатая! Зомбак какой-то необычный! Я морду не разглядел!

– Канны по деревьям не скачут. Эта тварь за две секунды ему чуть башку не оторвала. Валить надо отсюда и быстро. Назад к катеру! – космонавт привел Гора в чувство, помог подняться и подставил плечо.

На этот раз Леха возглавлял их отряд, а Макс прикрывал тыл. Иван один тащил раненого, который едва стоял на ногах.

– Зомбаки! Штук двадцать, – предупредил Леха, разглядывая противников в тепловизор.

– Напролом идем, вали их! – гаркнул Воробьев, со страхом вглядываясь в темные силуэты крыш и деревьев. Только что они узнали, что смерть не только шаркает стоптанными туфлями по земле, но и может прыгнуть сверху на голову.

Заработали автоматы. Несмотря на глушители, шума парни наделали порядком. Стук затворов, бряцанье падающих гильз, свист пуль и шлепки попадания в плоть противника – всё это посреди тихой ночи заметно привлекало внимание.

Всех инфицированных уничтожили практически во сне. Лишь несколько особей успели сделать пару шагов по направлению к стрелкам.

– Ходу-ходу, – подбадривал Иван остальных. К счастью, Горик немного окреп и смог идти самостоятельно.

Оставалось меньше половины маршрута. Все молились, чтобы Сухой с Васяном не отплыли в море, а дежурили на берегу. Внезапно резкий свет ударил в глаза, одновременно с ним по ушам резанул визгливый голос:

– Стоять! Стволы на землю! Поднять руки! Не рыпайтесь, вы окружены!

Прежде чем Иван нажал на спусковой крючок, в его голове успела мелькнуть мысль, что лазающая по деревьям тварь была не такой уж и большой проблемой. Она хотя бы не умела стрелять.

Глава 14. Сезон охоты

Прошло три дня с того момента, как Герман покинул свой «кокон». Но его трансформация продолжалась: волосы на теле стали еще длиннее, кожа толще, теперь он гораздо легче переносил мороз. Несколько старых гнилых зубов выпали, а на их месте уже росли новые – острые и крепкие. Нижняя челюсть стала массивнее, ногти на руках и ногах постепенно слезали, уступая место новым цепким когтям. Кожа на лице, ступнях и ладонях словно задеревенела и не чувствовала холода. Герман спокойно ходил босиком по снегу, но большую часть времени все-таки предпочитал прятаться в своем укрытии. «Новая звезда» на генном уровне запустила следующую стадию механизма мутации. Внутри носителя шла колоссальная работа по перестройке всего организма и адаптации к суровым внешним условиям.

Но мутант менялся не только физиологически, но и психологически. У него «проснулся» инстинкт самосохранения – то, чего почти начисто были лишены обычные зомби. Он больше не бродил бесцельно с утра до вечера по округе в поисках добычи, а предпочитал выследить её из засады. И что самое главное – Герман учился. Он накапливал опыт и умел им пользоваться. Его тело стало более ловким, сильным и быстрым, но вместе с тем он действовал с помощью хитрости и осторожности.

Солнце уже пробило горизонт, вечерний серый свет постепенно тускнел. Герман наблюдал за двумя зараженными, которые остановились поблизости от его укрытия. Когда-то крепкие жилистые мужики теперь отошали, медленно передвигали ноги и смотрели вокруг тусклыми от безысходности глазами. Но Герман уже успел получить хороший урок и знал, что такое впечатление обманчиво. Вчера он напал на толпу из десятка каннибалов, чтобы защитить свою территорию. Зомби сначала дрались вяло, но, почувствовав вкус крови, быстро превратились в яростных противников. Мутант успел убить трех из них, прежде чем его повалили на землю. Герман сумел высвободиться только ценой несколько глубоких укусов, царапин и разбитого носа. Чувствуя, что с каждой минутой людоеды становятся все сильнее, он предпочел ретироваться.

Сейчас, наблюдая всего за двумя инфицированными, мутант не спешил лезть в драку и ждал, когда на улице стемнеет. Герман заметил, что зомби почти не передвигаются ночью по поселку и выжидал удобного момента. Наконец, он вылез из своего укрытия и подкрался к противникам. Мутант напал со спины, повалил одного мужика на землю и вонзил когти ему в горло. Второй зомби пошел в атаку, но Герман быстро увернулся, сместился в сторону и скрылся за кабиной старой «Газели». Зараженный потерял его из вида и беспомощно вертел головой. Герман убедился, что противник плохо видит в темноте. Он лег на землю и стал ползти как ящерица, затем прыгнул на каннибала, обхватил руками его голову и резко крутанул в сторону. Хрустнула шея, ноги зараженного подкосились, и он рухнул пластом. Первый раненый зомби тем временем пришел в себя, кровь сочилась из его горла, но когти мутанта оставили лишь неглубокую рану. Людоед захрипел, вытянул вперед руки и сделал несколько больших шагов. Но вместо лобовой атаки, Герман предпочел маневры. Он попятился назад и отступил. Такая тактика быстро принесла плоды – зомби запнулся о бордюр и потерял равновесие. Через секунду мутант быстро добил противника, хорошая получилась тренировка.

Где-то вдалеке раздался выстрел. Его отзвук прокатился по крышам, отразился от реки и заглох в кронах деревьев. Герман не испугался, но легкая тревога блеснула в его глазах. Он уже забыл, что такое оружие, но подсознательно почувствовал опасность. Мутант обнюхал трупы зараженных, для ужина они не годились. Он больше не считал зомби собратьями, как раньше, когда бродил с ними в одном стаде. Теперь они стали для него конкурентами за территорию и добычу. А еще – тренажерами. Герман словно заново учился пользоваться своим

меняющимся телом. И зараженные отлично годились для отработки навыков охоты, борьбы и убийства.

Наступила ночь, зрачки мутанта легко адаптировались к темноте. Сегодня он решил не возвращаться в убежище и отправился на поиски добычи. Голод уже не сводил его с ума как раньше, заставляя забывать об опасности и бросаться на все, что движется. Вчера удалось поймать кошку, зверек отчаянно боролся за свою шкуру, и воспаленные царапины на руках стали платой за ужин.

Вместе с инстинктом самосохранения вернулась и боль. Боль учила осторожности. Боль заставляла терпеть и выжидать. А главное – боль вынуждала думать. Думать, как поступить так, чтобы боль не повторилась. «Новая звезда» пыталась сделать носителя более живучим и приспособленным к условиям обитания, и Герман даже не догадывался, какой путь ему еще предстоит пройти.

Мутант остановился около длинного ряда бетонных гаражей. Из-за звука его шагов включились автономные фонари, которые днем подзаряжались от солнечных батарей. Герман быстро отступил назад в темноту и выбрал другой маршрут.

Примерно через час он приблизился к обветшалому деревянному бараку. В одном из окошек на втором этаже мелькнул луч фонаря. Из трубы поднимался почти не видимый дымок, но мутант почувствовал его запах. Манящий и вместе с тем пугающий запах человеческого жилища. В комнате на старом прожженном диване сидела женщина лет сорока с худым вытянутым лицом. Она часто шмыгала длинным носом и дрожала.

– Салим, закрой окно, холодно очень, – жалобно попросила тетка, сняла с крючка чью-то старую майку и громко высморкалась в неё.

– Потерпишь, дым выпустить надо, а то угорим. Сейчас печка протопится, и, может, лучше труба вытягивать начнет, – ответил ей коренастый мужик с башкирским лицом и толстым рубцом над верхней губой.

Салим подошел к окошку и закурил. Он не боялся, что зомби его заметят, залезть на второй этаж они все равно не смогут, а подъездную дверь он закрыл на засов.

Его спутницу звали Инесса, катастрофа случайно свела их вместе. Эта баба немного напрягала Салима своим частым нытьем и жалобами, но он пока терпел ее, убеждая себя, что вдвоем будет легче выжить.

Мутант забрался в кузов старого ржавого МАЗа. Отсюда было удобно наблюдать за приоткрытым окном. Прошло два часа, свет в комнате больше не мелькал. Герман почувствовал, как сон начинает сковывать его, и осторожно спустился на землю. Мутант крадучись подошел к стене барака и слегка царапнул по ней короткими когтями.

Комната, в которой прятались люди, располагалась чуть правее подъездного козырька. Гнилые доски с трудом выдержали вес Германа, пока он на него взбирался. Несколько минут мутант сидел, не шевелясь, как средневековая горгулья на фасаде готического замка. Но вот горгулья ожила, убедилась, что окно по-прежнему приоткрыто, и потянула деревянную раму на себя. Слабый скрип не разбудил людей, и мутант без сопротивления забрался в комнату.

Внутри было еще темнее, чем на улице. Герман разглядел только слабое красное свечение угольков в дальнем углу, которое пробивалось из печных зазоров. Но его обоняние уже рассказало больше чем зрение.

Салим успел крикнуть в тот момент, когда зубы мутанта впились ему в шею. Пальцы Германа с ожесточением сжались на горле добычи. Человек захрипел, потянулся к ружью, но смог лишь едва пошевелить рукой. Инесса проснулась, не понимая, что происходит. В панике она уронила фонарик и лишь беспомощно охала и кричала:

– Салим! Салим?! Что случилось?!

Изо рта ее спутника уже сочилась кровавая пена. Когда женщина, наконец, нашла на полу фонарик, то последнее, что она увидела, был яростный оскал Германа. Пронзительный визг прокатился по всему барачу, но никто не пришел им на помощь.

Мутант задушил вторую жертву и начал трапезу. Но даже в этот момент он оставался настороже. Пока его зубы вгрызались в теплую человеческую плоть, уши улавливали каждый шорох поблизости.

Герман провёл в комнате два дня. От холода трупы задеревенели, и мутант уже с трудом грыз замерзшее мясо. Его новые зубы еще не полностью выросли, а старые ломались и вываливались один за другим.

Утром третьего дня Герман выглянул в окно, перебрался на подъездный козырек и спрыгнул на землю. После полумрака комнаты от резкого света резануло в глазах. Свежий чистый снежок кружился в воздухе, устилая двор тонким белым ковром. Крепкие морозы пока не ударили, но осень в этих краях быстро становилась похожа на зиму.

Мутант наклонился, сгреб ладонями горсть снега и принялся его есть. Инстинкт подсказал, как восполнить недостаток воды. А еще он советовал не уходить далеко от нового логова. Внутренний голос шептал, что понадобится убежище, где можно затаиться до весны. Комната в бараке вполне годилась для такой берлоги. Герман даже научился укрываться одеялами, под которыми спали его жертвы.

Утолив жажду, он выпрямился, сделал несколько шагов и замер. Вокруг никого не было, только ветер перекачивал пустую пластиковую бутылку из одного конца двора в другой. Но что-то тревожило мутанта, природные инстинкты, которые помогали выживать его древним предкам, обострились до предела. Вдруг ветер переменялся, Герман почувствовал запах, который одновременно привлекал и настораживал его – запах человека.

Мутант развернулся и быстро направился назад к барачу. Раздался глухой хлопок, что-то вонзилось в тело, и легкая боль обожгла правый бок Германа. Он подпрыгнул, зацепился руками за край подъездного козырька, подтянулся и уже почти коснулся оконной рамы, как послышался второй хлопок, а вместе с ним новый дротик со снотворным впился ему в лопатку. Мутант почувствовал слабость, в глазах потемнело, он соскользнул вниз и свалился на землю. Его неподвижное тело пролежало так несколько минут, прежде чем из-за угла соседнего барака появились два человека. Третий прятался за кабиной МАЗа, который несколько дней назад служил укрытием для самого Германа.

Люди окружили мутанта и стали разглядывать его словно диковинного зверя. Командир отряда поднес рацию ко рту и коротко приказал:

– Подъезжай, возвращаемся на базу.

Глава 15. Холодная месть

Профессор сидел на втором этаже, переключая каналы радиостанции. Вечерами от скуки он иногда забавлялся тем, что прослушивал частоты. Время от времени удавалось поймать какой-нибудь сигнал. Вот опять заговорили на китайском, вернее Хаимович решил, что на китайском, так как ни слова не мог разобрать. Женский голос что-то настойчиво твердил, возможно, рассказывал, где расположено убежище или как вести себя, если тебя пытаются съесть дюжина каннибалов. Недавно его радиостанция поймала и записала такой сигнал на русском. Диктор серьезным низким голосом убеждал сохранять спокойствие, выполнять требования полиции и органов правопорядка, оставаться дома и соблюдать максимальную самоизоляцию. При малейших признаках заражения и повышения температуры незамедлительно вызывать скорую помощь.

Это сообщение начали транслировать в самом начале эпидемии, когда власти еще не представляли, насколько быстро рухнет вся система здравоохранения, контроля и правопорядка. Записанный голос человека, который, скорее всего, уже давно умер, продолжал вещать забытый автономный ретранслятор. Альберт Борисович усмехнулся в очередной раз, после слов диктора о том, что «ситуация находится под контролем». Под этим самым контролем все было только у него, до того момента, как он впустил в свой дом Андрея, Машу и всю их компанию. После этого всё пошло коту под хвост.

Профессор перевел взгляд на Таню. Малышка сидела на своей кровати, расчесывала серого плюшевого зайца и что-то шептала ему на ухо. Эту потрепанную игрушку она успела забрать из дома и пронесла с собой весь путь. Заяц, казалось, слушал хозяйку, и, между тем, внимательно смотрел немигающими черными глазами в сторону Хаимовича. Девочка с нежностью обнимала этот маленький кусочек прежнего счастливого мира, который напоминал ей о семье.

Альберт Борисович вдруг поймал себя на мысли, что утратил контроль гораздо раньше вторжения его лаборантов. Он нарушил свои принципы в тот день, когда привел Таню в убежище. Возможно, из-за нее он дрогнул и спас своих сотрудников со всей их сворой.

Светлая и темная сторона его сознания с новой силой враждовали между собой. В такие моменты сразу начинала болеть голова, особенно в затылке. Там, где ему проломила череп пьяная банда ублюдков в Новосибирске. Казалось бы, рядовой случай, обычный бытовой криминал, но тот роковой вечер стал точкой отсчета для всей прежней цивилизации. Как иногда бывает опасно обидеть не того человека, с виду маленького, по большому счету, даже беспомощного. Но если этот человек обладает тайной силой, то может случиться страшное.

Хаимович обладал такой силой, и ее хватило, чтобы сломать весь прежний миропорядок. Для этого он рискнул всем, что у него было: жизнью, свободой, достатком, безопасностью, карьерой. Но его личные жертвы казались мелочью, по сравнению с миллиардами трагедий, которые случились после.

– Я спать пошел. Сегодня пораньше хочу лечь, с утра надо капканы проверить, – наставник замолчал и прислушался, – слышишь?

– Нет..., а что? – никаких подозрительных звуков Таня не заметила. Вроде всё как обычно: легкое шуршание мышей под крышей, поскрипывание деревянных половиц, да раз в минуту из умывальника падала капля в тазик на полу.

– Вот и я не слышу. А вчера весь вечер выл. Хоть бы в мою ловушку, наконец, попался, – в голосе профессора слышалась надежда вперемешку с беспокойством.

– Да, точно тишина. Может, он убежал далеко за перевал?

– На это сильно не рассчитывай. Или мы его – или он нас.

Волк выл почти каждый вечер, блуждая вокруг их домика. Хаимович знал, что матерый серый хищник будет мстить за свою самку. Но тут у Альберта Борисовича появился неожиданный союзник в лице приютчика Жеки. Профессор отдал ему ружье, а в качестве оплаты шорец обещал всю зиму помогать им. Они уже вместе ходили на охоту и завалили двух кабанов. Жека научил Хаимовича правильно ставить капканы и силки. Честно делился секретами охоты и выживания в лесу. Показал, как обдирать и выделывать шкуру зайца, чтобы потом сшить из нее одежду. Но, не смотря на это, Альберт Борисович все равно опасался нового знакомого. Он учился, старательно перенимал все знания, но противился тому, чтобы их общение переросло в дружбу.

Наставник посмотрел на девочку и впервые после смерти Доджа погладил ее по голове:

– Спокойной ночи.

Таня даже вздрогнула от неожиданности. Давно ее не баловали родительской лаской. По сравнению с добрым улыбчивым папой, Альберт Борисович всегда казался угрюмым, строгим и холодным человеком. Он был полной противоположностью отца Тани, а после смерти Вени и Доджа стал еще более закрытым и отстраненным.

– Спокойной ночи, я чуть-чуть поиграю и тоже лягу, – пообещала малышка, когда Хаимович спускался по лестнице на первый этаж.

Волчий вой ни разу не побеспокоил людей этой ночью. Профессор понимал, что радоваться рано. Он проснулся с робкой надеждой найти серого с перебитой лапой в капкане и спокойно пристрелить его. Альберт Борисович подогрел завтрак и пошел за водой. К тому моменту как он вернулся, Таня уже сидела за столом, сонно потирая глаза.

– Ух, погода сегодня радует. Я пока ходить буду, ты замочи грязные вещи.

– Хорошо, а что приготовить?

– Лапшу можно сварить, а вообще смотри на свой вкус.

Через полчаса Хаимович уже шагал на охотничьих лыжах по лесу. Он внимательно смотрел на снег, пытаясь освоить «охотничью грамоту» как говорил Жека. Профессор разглядел след зайца, затем нашел отпечаток зверька поменьше, возможно белки. Вот тут скакала какая-то птица, но это его не очень интересовало. Приютчик один раз показал ему след россомахи и предупредил, насколько это опасный зверь. Рыси на их территорию, к счастью, пока не заходили, а вот перспектива встретиться по весне с медведем маячила вполне реальная.

Когда наставник ушел, Таня занялась привычными домашними делами. Она заправила кровать, подмела пол, отложила грязные вещи и поставила греть воду для стирки. Хоть девочка и с содроганием вспоминала дни, которые провела в поселке под надзором бабы Зины, но они пошли ей на пользу, за то время она многому научилась. Очень быстро из обласканного домашнего ребенка, Таня превратилась в терпеливую трудолюбивую девочку, которая уже не боялась ночевать в лесу под открытым небом, умело чистила лошадь, топила печку и могла постоять за себя.

Закончив часть дел по дому, малышка надела теплые вещи. Профессор уже накормил животных, но для Тани стало традицией заглянуть с утра в стайку и поздороваться со всем зверинцем. Белая кобыла встретила ее приветливым стуком копыта по земле. Девочка, втихую от Хаимовича, угостила ее кусочком рафинада.

Так за повседневными хлопотами быстро пролетело два часа. Таня стояла на крыльце и развешивала на веревке постиранную одежду. Сушить вещи на морозе научил их дядя Женя, так она называла нового знакомого. Вначале малышка боялась, что он заразится также как инспектор Веня, но болезнь не тронула шорца. Альберт Борисович объяснил, что это Додж, скорее всего, был переносчиком вируса и невольно заразил Веню.

Таня прищурилась, приложила ладонь ко лбу и увидела, как из леса появилась фигура человека. Лыжи слегка поскрипывали по снежному насту, путник приблизился, и малышка

узнала Жеку. Он помахал ей рукой, девочка ответила на приветствие. У шорца не хватало нескольких зубов, но он всегда улыбался во весь рот, совсем этого не стесняясь.

– Эзен! – поздоровался Жека на родном языке, – Игорь дома?

Несмотря на сделку и приятельские отношения, профессор не стал раскрывать приютчику их настоящие имена. Шорец продолжал называть Хаимовича – Игорем, а его «дочку» – Соней. Альберт Борисович объяснил Тане свое решение, чтобы она случайно не нарушила конспирацию:

– Вот, допустим, переправится Беркут со своей бандой через реку и начнет нас искать по лесам. Встретят они Жеку, может, пытать его будут или он сам проболтается, что, мол, живут тут Альберт Борисович и Таня. Бандиты сразу поймут, о ком речь, и найдут нас. А так – хоть какой-то шанс, что они не заинтересуются неким Игорем и Соней. Так что держи язык за зубами. При посторонних называй меня папой, даже если не очень хочется. Это для нашей безопасности, поняла?

Девочка каждый раз вспоминала этот разговор во время встречи с Жекой и надежно хранила их тайну.

– Игорь дома? – еще раз, на этот раз громче спросил шорец.

– Здравсьте! Папа пошел капканы проверить. Может, волк попался, вчера он не выл.

– Волк хитрый, сейчас еды много, сложно серого поймать. Я подожду тут, ты не против? – получив согласие, шорец сбил снег с ботинок, поставил лыжи на крыльце и зашел в домик.

Таня по традиции угостила гостя чаем с куском копченого замерзшего мяса кабана. Жека рассказал ей, что по пути увидел стайку больших красногрудых снегирей:

– Чувствую, скоро крепкие морозы начнутся. Зима в этом году ранняя будет.

– Дядя Альб... ой, гм, ээ... папа говорит, что дров у нас много, продержимся, – малышка едва не проболталась, покраснела от смущения и села около печки, чтобы выгрести золу из поддувала.

Шорец, казалось, пропустил её слова мимо ушей. Он уставился на худенькую фигурку девочки, допил чай и облизнул губы. Ребенок сидел к нему спиной, ловко орудуя совком в печке. Жека молчал, щелкая от скуки костяшками пальцем и поглядывая на Таню.

– О, вспомнил! – неожиданно выпалил приютчик и быстро вышел в прихожую. Таня с любопытством последовала за ним. Шорец развязал рюкзак и достал несколько потрепанных книжек.

– Вот, сбегал недавно специально до базы на Лужбе. В прошлый раз я их брать не стал, а потом подумал, что тебе пригодится, – Жека протянул два тома Джека Лондона, толстый сборник Стивена Кинга и разноцветную обложку с фамилией Чуковский. Затем извлек из старого рюкзака еще несколько книг и положил их на лавку.

– А вы читать не любите? – Таня с интересом пролистала несколько страниц Кинга, бегло пробежавшись взглядом по строчкам.

– Я редко. Вот кино люблю, жалко, что у Вени ноутбук сломался. Так бы я принес вам жестких дисков с фильмами. Плазма же здоровая, её не потащишь. Приходите уже ко мне в гости. Игорь только обещает, а сам не идет, – Жека подмигнул девочке и снова расплылся в широкой улыбке. Его редкие усы смешно топорщились в разные стороны.

Таня поблагодарила гостя за подарки, и они вернулись на кухню. Девочка засунула в топку несколько поленьев, посмотрела в окно и вздохнула. Приютчик догадался, о чем она думает:

– Волнуешься? Не бойся, у него ружьё, стрелять умеет, ничего с ним не случится. Конечно, если шатуна вдруг встретит, то это уже проблема. Но летом еды много было, медведи должны крепко спать.

– А вы тут всегда жили?

– Нет, я из Чугунаша. Поселок такой на юге Кузбасса. Слышала?

Малышка отрицательно замотала головой. Шорец ковырнул из зубов застрявший кусок мяса, и по-свойски плеснул чая себе и маленькой подружке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.